С. И. Смирновъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(† 11 октября 1875 года)

СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. В. ГОРСКАГО.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ВЪ ПАМЯТЬ А. В. ГОРСКАГО ВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ 22 ОКТЯБРЯ 1900 ГОДА.

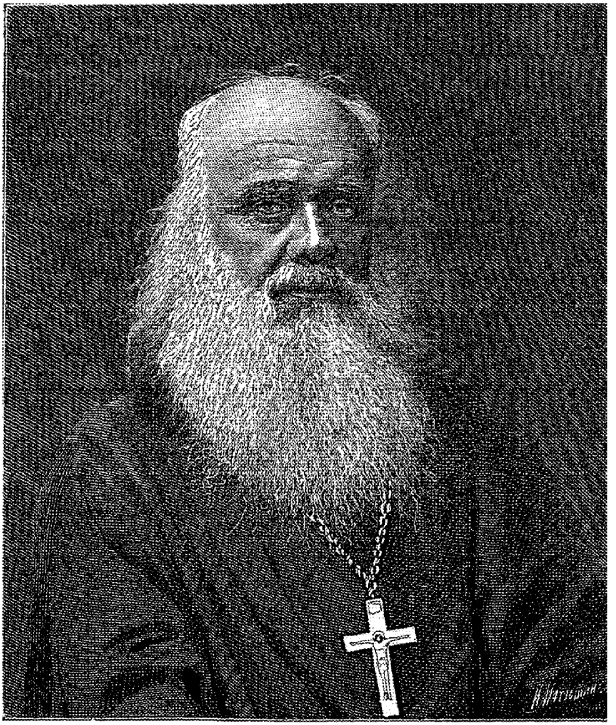
СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспитаніе
II Студенческіе годы
III. Годы профессорства
Духовная личность
IV. Вліяніе времени
V. Ученые труды.
VI Научное руководительство
VII. Годы ректорства.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1901.

Оттиски изъ № 11 „Богословскаго Вѣстника“ за 1900 годъ

Печатать разрѣшается, 5 Ноября 1900 года
Ректоръ Академіи, Епископъ *Арсеній*



Александръ Васильевичъ
ГОРСКІЙ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(Біографическій очеркъ)

Этотъ аскетъ-профессоръ, этотъ инокъ мірянинъ, съ подвижническою жизнію соединявшій общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаніями и трудами, это было необыкновенное явленіе Оно едва ли повторится Оно было созданіемъ особаго духовнаго строя въ извѣстный періодъ Московской академіи.

Гиляровъ-Платоновъ

Лѣтомъ 1828 года баккалавръ Московской духовной академіи іеромонахъ Аѳанасій, посланный ревизоромъ въ Костромскую семинарію, облюбовалъ для академіи бойкаго шестнадцати—лѣтняго философа Александра Горскаго. Спустя пять лѣтъ, въ августѣ 1833 г. конференція Московской академіи вызвала изъ Московской семинаріи баккалавромъ на церковную исторію много обѣщавшаго магистра восьмого курса Александра Васильевича Горскаго Прошло 42 года и наша академія лишилась своего ректора,—ученаго, извѣстнаго въ Россіи и за границей, протоіерея Горскаго. Это случилось 25 лѣтъ тому назадъ, 11 октября 1875 года. Московская духовная академія, взявшая себѣ Горскаго съ лѣтъ его отрочества, только на одинъ годъ его отпустила отъ себя въ близкую семинарію, оплакала кончину, похоронила его останки вблизи своихъ стѣнъ и „гробъ его съ нами“ .. Онъ принадлежитъ академіи, этотъ достойнѣйшій изъ ея сыновъ, слава русской науки, украшеніе родной церкви. День 25-лѣтія со дня его кончины нашъ академическій великій праздникъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ и праздникъ русскаго духовнаго просвѣщенія. Прося снисхожденія и терпѣнія просвѣщеннаго собранія, я попытаюсь разсказать жизнь Александра Васильевича, какъ изображаетъ ее мертвая бумага и живое наше академическое преданіе [1]).

---

[1]) Пишущій эти страницы, чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи. А В Горскаго онъ не могъ знать лично и свои свѣдѣнія бралъ больше изъ книгъ, отчасти изъ рукописей и изъ устныхъ разсказовъ (— Д Ѳ. Голубинскаго, П И Горскаго, Е Е Голубинскаго, которымъ свидѣтельствуетъ свою благодарность). Поэтому онъ опасается не удовлетворить ни тѣхъ, кто помнитъ незабвеннаго А В—ча, ни тѣхъ, кто интересуется его личностью, читалъ и слыхалъ о немъ Для послѣднихъ эти страницы не дадутъ чего-либо новаго, для первыхъ же самое представленіе о личности А В—ча можетъ показаться фальшивымъ, истолкованіе источниковъ неправильнымъ Въ послѣднемъ случаѣ вина лежитъ можетъ быть не на одномъ авторѣ, а и на источникахъ, недостаточно рисующихъ сложный образъ Горскаго Съ своей стороны авторъ приноситъ только посильную дань благоговѣнія одной изъ крупнѣйшихъ (если не самой крупной) личности, воспитанной родной академіей На людяхъ, хорошо знавшихъ А В—ча и твердо его помнящихъ, лежитъ нравственный долгъ подѣлиться своими воспоминаніями объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Чтобы избѣжать дробной цитаціи, приводимъ главнѣйшіе источники

1 Дневникъ А В Горскаго Приб къ Тв св. Отцовъ, кн 34 и 35. Изданъ съ пропусками, по большей части не оговоренными, и недостаточно тщательно

2. Письма къ А В—чу митр Филарета Тамъ же, кн 29 и 30

3 „ Филарета архіеп Черниговскаго Тамъ же, кн. 31, 33 и 36

4 „ Евсевія Орлинскаго, архіеп. Могилевскаго Тамъ же, кн 37

5 „ Протоіерея В. С Горскаго и самого А. В—ча къ Ѳ. А Голубинскому, любезно сообщенныя намъ Д Ѳ Голубинскимъ

6. Нѣкоторыя письма и бумаги изъ архива А В Горскаго въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи

7 *С. К. Смирновъ*, Воспоминанія о покойномъ ректорѣ Моск. Дух Академіи А В Горскомъ Рѣчь Прав Обозр 1876, Ш

8 *С К. Смирновъ*, Исторія Моск Дух. Академіи

9. *П. С Казанскій*, Изъ моихъ воспоминаній объ А В Горскомъ по поводу рѣчи проф С Смирнова Прав. Обозр , 1876, Ш.

10 Памяти о ректора М Д. Академіи, протоіерея А В Горскаго (Некрологъ и рѣчи). Прав Обозр 1875, Ш

11 *Н П. Гиляровъ-Платоновъ*, Сборникъ сочиненій, изд подъ редакціей К П Побѣдоносцева т П

12. *Н. П Гиляровъ-Платоновъ*, Изъ пережитого

13 *Н И Троицкій*, Воспоминанія о прот А В Горскомъ, по поводу трехъ его писемъ. Чт въ Общ. Люб Дух. Просв , 1881, Ш

I

Воспитаніе.

Горскій родился въ Костромѣ въ 1812 году (16 августа). Семья Горскихъ была видная въ городѣ Отецъ — Василій Сергѣевичъ, получилъ образованіе въ Троицкой Лаврской семинаріи и былъ сначала профессоромъ своей Костромской семинаріи, затѣмъ перешолъ въ соборъ во священники Оставивъ должность преподавателя, онъ сдѣлался смотрителемъ духовнаго училища, а получивъ санъ протоіерея каѳедральнаго собора, оставляетъ и смотрительство, ограничиваясь уроками въ дворянскихъ семействахъ. Письма Василія Сергѣевича заставляютъ видѣть въ немъ интеллигентнаго по своему времени человѣка, бывшаго профессора россійской

---

14 (*А. П. Смирновъ*) Изъ студенческаго дневника. Воспоминанія объ А В Горскомъ Душ Чт 1891, III

15 *Гр М Вл Толстой*. а) Воспоминанія, Р. Архивъ 1881 г в) Воспоминанія] о моей жизни и ученьи въ Сергіевомъ Посадѣ (1825 — 1830), Богосл Вѣст 1894, IV и с) Хранилище моей памяти, Душ Чт 1890, III.

16. *Гр А Воскресенскій*, А В Горскій Слав Обозрѣніе 1892, 3.

17 *А Д Бѣляевъ*, А В. Горскій. М 1877.

18 *Арх. Григорій*, Къ біографіи ректора Моск. Дух. Академіи А В Горскаго Чт Общ Ист и Др. 1875, III

19 *Гр. Дим Н Толстой*, А В Горскій. Біографическій очеркъ. Р Архивъ, 1875, 3

20 *Е. Н Воронецъ*, Къ воспоминаніямъ о скончавшемся въ Бозѣ прот А. В. Горскомъ

21 *Т И Филиповъ*, А В. Горскій, Ж М Нар. Просв 182 ч, также *Сборникъ* Т Филипова. Спб 1896.

22 *А П. Лебедевъ*, Церковный историкъ А В Горскій (въ „Церк. исторіографіи въ главныхъ ея представителяхъ съ IV в по XX").

23. *Н С. Тихонравовъ*, Горскій и Невоструевъ Изъ литографированнаго курса по исторіи русской литературы $18^{81/82}$ г

24 *С Г. Поповъ*, Ректоръ Моск Дух Ак А В Горскій, Бог Вѣстн 1896 г и отдѣльно Здѣсь собрано много интереснаго матеріала для біографіи А В-ча, но обработка его оставляетъ желать многаго

25 *С Г Поповъ*, А В Горскій въ началѣ своей профессорской дѣятельности по письмамъ Филарета, архіеп Черниг Душ Чт 1896, III

Немало данныхъ мы извлекли изъ *Собранія мнѣній и отзывовъ м. Филарета, изд. преосв Саввой*, изъ *Автобіогр записокъ* послѣдняго, печатающихся въ приложеніи къ Богосл Вѣстнику, а также изъ изслѣдованія *Н Барсукова*, жизнь и труды М. П Погодина I—XIII томы.

словесности и краснорѣчія, не лишеннаго поэтическаго чувства, съ умомъ крѣпкимъ отъ природы, съ здравомысліемъ, не поврежденнымъ наукой, съ опредѣленными нравственными устоями [1]). Одна черта особенно отличала Василія Сергѣевича — необыкновенная доброта, которая перешла по наслѣдству къ А В-чу Его мать Ольга Кузьминишна, дочь костромского протопопа, умная женщина, была воспитана по домашнему по старинному Она обладала характеромъ твердымъ и видимо правила домомъ какъ глава Кругъ тѣхъ понятій, какія нужны для порядка жизни, былъ одинъ и тотъ же у обоихъ родителей Горскаго Оба они были люди религіозные, патріархальные, проникнутые безусловнымъ повиновеніемъ церковному уставу и вѣковому укладу русской жизни, созданному церковью Указанныя черты — взаимно дополняющее различіе въ характерахъ и полное сходство жизненныхъ понятій у родителей А В-ча сообщили миръ да ладъ ихъ отношеніямъ, необычайную устойчивость всей жизни семьи, сообщили наконецъ строгую опредѣленность тому воспитанія, которое получилъ будущій ученый.

По природѣ А В былъ живымъ и рѣзвымъ мальчикомъ, съ необычайно чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ Сердцемъ онъ понялъ все окружающее и развился раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Преждевременное развитіе вызывается обычно какой-нибудь ненормальностью въ воспитаніи и она имѣла здѣсь мѣсто Можетъ быть слишкомъ много будетъ сказать, что педагогическія понятія родителей Горскаго совпадали съ домостроевскими,—но во всякомъ случаѣ отъ нихъ сильно отзывало Домостроемъ Но педагогія древней Руси разсчитана на грубую натуру, непокорную или злую волю: она рекомендуетъ грозу и лозу, но не ласку, вовсе запрещаетъ родителямъ шутки и игры съ своими дѣтьми, ограничиваетъ проявленія сердечности. Эта отжившая система была совершенно непригодна для мягкой, одаренной необычайными сокровищами сердца, природы А В-ча. Между тѣмъ его родители, эти добрые люди, были суровыми воспитателями Желая развить въ дѣтяхъ чувство строжайшей подзаконности, они дѣйствовали страхомъ и болью наказаній. „Я воспи-

[1]) Объ умственныхъ и литературныхъ дарованіяхъ В С-ча можно отчасти судить по приводимому ниже письму его къ сыну

танъ, говоритъ самъ Горскій, подъ грозящимъ жезломъ скромности“ Воспитатели забыли о сердцѣ ребенка не постарались основать его нравственность на собственныхъ его чувствованіяхъ и не потрудились для этого раскрыть въ его сердцѣ Бога и Его святую религію. Все нравственное и религіозное содержаніе души не выращивалось въ ней, а влагалось со стороны, прививалось совнѣ. Вотъ въ этомъ несоотвѣтствіи между природой и воспитаніемъ Горскаго и была, намъ кажется, причина его преждевременнаго развитія А между тѣмъ о воспитаніи А. В-ча особенно позаботились, такъ какъ онъ былъ старшимъ ребенкомъ Его удаляли отъ сверстниковъ — шалуновъ, держали постоянно дома только со взрослыми, не выводили ни въ какое общество. Самая семья Горскихъ была не велика: у А В-ча была одна только сестра (Юлія) и одинъ братъ—Владимиръ, младшій въ семьѣ, умершій китайскимъ миссіонеромъ [1]) Годы дѣтства Горскаго текли тихо, скромно, мертво По его собственному сравненію, онъ прожилъ свои дѣтскіе годы, „какъ монастырка въ своей кельѣ“. Живой и впечатлительный ребенокъ мало шалилъ и никогда не рѣзвился: тогдашней педагогіи не были доступны такія тонкости, какъ различіе между шалостью и рѣзвостью—она запрещала и то и другое. Изъ него вышелъ скромный и благоразумный мальчикъ, любимецъ родителей. Въ суровой школѣ домашняго воспитанія сердечность и мягкость ребенка обнаруживались только въ слабодушіи и въ скучной всеугодливости своимъ воспитателямъ Лѣтъ восьми онъ поступилъ въ школу, сталъ ходить въ духовное училище, продолжая жить дома Множество шалуновъ встрѣтилъ въ школѣ благовоспитанный сынъ каѳедральнаго протоіерея, сталъ шалить и самъ, но всегда умѣренно, не выходя изъ границъ. Двѣнадцати лѣтъ А. В перешолъ въ семинарію Его положеніе дома не измѣнилось нисколько; въ классѣ одобряли его за скромность и послушаніе Здѣсь

---

[1]) Не знаемъ, когда родился Владимиръ Васильевичъ Судя потому, что онъ поступилъ въ Петербурскую академію въ 1837 г, надо заключать, что онъ родился приблизительно около 1816 г, т е былъ моложе А В-ча годами четырьмя Померъ отъ чахотки въ Китаѣ миссіонеромъ въ 1847 г Его письма подъ заглавіемъ „Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ“ частію изданы въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1897—1898 годы.

впервые обнаружился недостатокъ воспитанія А. В-ча. Онъ переживалъ возрастъ, когда молодая душа нуждается въ дружбѣ Но онъ былъ мертвъ, какъ самъ сознается, въ ту пору, когда сердце начинаетъ искать другого сердца; у него было много любящихъ и любимыхъ товарищей, но ни одного друга [1]) Тяжелыя оковы суроваго воспитанія сжали его сердце; годы дѣтства, проведенные безъ друзей, наединѣ съ своими мечтами и думами, развивъ раннюю дѣтскую фантазію и мысль, не пріучили его къ откровенности и непосредственности въ отношеніяхъ, чѣмъ питается дружба. Онъ остался монастыркой и въ школѣ.

На всю жизнь въ душѣ Горскаго оставило свои слѣды его домашнее воспитаніе. Религіозность и церковность, добрыя наставленія и правила, какъ основы жизни хорошей духовной семьи, привитыя прочно душѣ А В-ча, остались неизмѣнными спутниками его до конца дней. Но изъ домашняго воспитанія онъ вынесъ замкнутость, нѣкоторую боязнь сближаться съ людьми, черту характера, которая совершенно не гармонировала съ его сердечностью, съ дѣтской простотой въ житейскихъ дѣлахъ, съ удивительной довѣрчивостью къ людямъ.—Воспитаніе не развило твердости характера А. В-ча. Онъ положительно боялся дѣлать выборъ въ рѣшительные моменты жизни [2]). Тогда управляла имъ не своя, хотя и не чужая, воля. Если въ иныхъ случаяхъ и настаивалъ онъ на своемъ, то только силой пассивнаго противодѣйствія. Весьма важное значеніе въ жизни его имѣли ро-

---

[1]) Въ семинаріи у А В-ча былъ очень близкій товарищъ Дм Ѳед Вознесенскій, въ 1827 г поступившій въ Петербургскую академію Письма его, которыя мы читали, свидѣтельствуютъ о дружеской любви его къ А. В-чу и притомъ о привязанности совершенно разумной, основанной на признанныхъ преимуществахъ Горскаго предъ остальными товарищами А. В. пишетъ между прочимъ о своихъ отношеніяхъ къ Вознесенскому. „онъ меня можетъ быть наблюдалъ болѣе и потому *крѣпче ко мнѣ привязанъ, нежели я*“ *Дневникъ*, стр 89

[2]) Приводимъ примѣръ А В-чу предстояло выразить свое согласіе на переходъ изъ Московской семинаріи въ баккалавры академіи и онъ пишетъ Ѳ. А. Голубинскому на его запросъ „Не знаю, не могу рѣшить, поелику жилъ доселѣ, о семъ нимало не думая, также безъ заботно, какъ прежде бывши студентомъ, въ ожиданіи онаго рѣшенія отъ обстоятельствъ своя воля, свой выборъ для меня всего опаснѣе“ Письмо отъ 19 мая 1833 г, сообщенное намъ Д Ѳ Голубинскимъ

дители, которые прожили долго (отецъ померъ въ 1857 г., мать въ 1872) Изъ писемъ отца съ нѣжными или дѣловыми приписками матери, съ шаршавыми стихотвореніями младшаго братца, можно видѣть, что А. В., ужъ будучи профессоромъ, оставался покорнымъ сыномъ костромской семьи. Случалось, что родительская власть сталкивалась съ самостоятельными стремленіями сына и слезы матери останавливали его рѣшеніе Въ неизданномъ открывкѣ дневника А. В—ча читаемъ: „Родителямъ первая дань любви и почтенія? А не заставляю ли мать мою проливать слезы и сокрушаться о мнѣ? *Господи, разрѣши этотъ узелъ.* Любящимъ и законъ естественный велитъ воздавать любовью и всѣмъ! А не оскорбляю ли ихъ горячности ко мнѣ глухимъ сердцемъ? Не ввожу ли ихъ въ непріязненныя расположенія, не подаю ли имъ повода къ различнымъ огорченіямъ?“ — А. В. жаловался послѣ на раздвоеніе въ душѣ, на свое всеугодливое *я*, которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ, существуетъ ко внѣшнему счастью. Это *я*, по его признанію, родилось въ немъ въ лѣта дѣтства можетъ быть отъ воспитанія Обличаетъ себя въ „слабодушіи.“ Здѣсь онъ разумѣетъ недостатокъ смѣлости, привычку непротивленія злу, мягкость характера, граничившую со слабостью, свою неспособность стать героемъ исповѣдникомъ. А В привыкъ со всѣмъ мириться и не умѣлъ бороться. Онъ чуждъ былъ заискиванья у имѣющихъ власть, но изъ дѣтскаго возраста вынесъ привычку безпрекословнаго повиновенія начальству, которую въ годы сознательной жизни превратилъ въ принципъ Дальше мы увидимъ, что Горскій своимъ воспитаніемъ какъ нельзя лучше былъ приспособленъ для того времени, когда проходилъ свою службу, для времени императора Николая, графа Протасова и митрополита Филарета

Образованіе будущаго ученаго началось въ семьѣ. Велось оно постарому. Много заставляли учить на память, не справляясь, понято ли заученное Воспитатели Горскаго, какъ онъ говоритъ, держались того застарѣлаго правила: „учи что тебѣ дано, послѣ подумаешь о томъ, что выучилъ“. Самодѣятельности въ немъ не развивали и тяготили науками память. Самъ А. В чувствовалъ склонность къ словесности, потому что она соотвѣтствовала его живости и давала возможность по край-

ней мѣрѣ излагать своими словами чужое Рано обнаружились у Горскаго филологическія дарованія: при изученіи языковъ онъ не любилъ механическаго зазубриванія словъ, а больше занимался производствомъ ихъ Старая духовная, школа, слишкомъ трудная для посредственнаго ученика и потому славная своей камчаткой, не угашала а воспитывала великія дарованія Но для А. В-ча при школьномъ обученіи было еще одно благопріятное обстоятельство Его отецъ, бывшій ранѣе преподавателемъ семинаріи, очень заботился объ ученьи сына и вѣроятно не чуждъ былъ родительскаго тщеславія видѣть его въ числѣ первыхъ учениковъ Онъ внимательно слѣдитъ за ученьемъ А В-ча, помогаетъ ему въ занятіяхъ, не спрашиваясь и не трогая его исправляетъ задачки, что было непріятно и обидно самому ученику. Александра Горскаго писали между первыми въ спискѣ и онъ былъ самымъ развитымъ ученикомъ своего времени въ Костромской семинаріи. Этимъ объясняется раннее не по возрасту поступленіе А В-ча въ нашу академію. Въ апрѣльскомъ засѣданіи 1828 г правленіе Московской академіи постановило вытребовать 50 воспитанниковъ изъ семинарій московскаго и казанскаго округовъ для составленія восьмого курса,—изъ Костромской потребовали троихъ. Въ четырехъ семинаріяхъ между прочимъ и въ Костромской выборъ былъ порученъ ревизорамъ, посланнымъ самой академіей. Въ Кострому отправился баккалавръ академіи по каѳедрѣ герменевтики іеромонахъ Аѳанасій Дроздовъ Горскій, бывшій тогда въ философскомъ отдѣленіи, былъ признанъ наиболѣе способнымъ ученикомъ и, минуя богословскіе классы, прямо посланъ въ академію—одинъ вмѣсто троихъ. Достовѣрное преданіе, идущее отъ Ѳ. А Голубинскаго, разсказываетъ, что Аѳанасій выбралъ въ студенты слишкомъ молодого и не учившаго богословія Горскаго, чтобы не упустить этого человѣка для своей академіи, чтобъ не перехватили его напримѣръ въ Питеръ Слѣдуетъ до земли поклониться Аѳанасію за его выборъ и догадку [1])

---

[1]) Личность Аѳанасія Дроздова, умершаго въ санѣ архіеп астраханскаго въ 1876 г, извѣстна исторически. Свѣдѣнія о немъ изъ времени службы въ Московской академіи можно найти въ Исторіи академіи *С К Смирнова*. Приведемъ еще изъ воспоминаній *гр М Вл Толстого* „Аѳана-

II.

Студенческіе годы.

Академія открываетъ своему питомцу нѣкоторый просторъ и свободу дѣятельности Просторъ и свободу почувствовалъ и юный Горскій и .. испугался ихъ. Долго не могъ онъ привыкнуть къ академіи „и здѣсь держался той нитки, конецъ которой крѣпко привязанъ былъ въ Костромѣ“ Всякій шагъ онъ размѣрялъ и всякій шагъ дѣлалъ съ робостью, хотя духовная атмосфера тогдашней академіи не отличалась значительно отъ того направленія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, и наглядно отражала достоинства и недостатки современной духовной среды [1]) Отецъ поручилъ его заботамъ знаменитаго земляка философа Ѳеодора Александровича Голубинскаго Но ужъ конечно молоденькій студентъ не могъ имѣть въ немъ постояннаго товарища Ѳеодоръ Александровичъ познакомилъ Горскаго съ студентомъ Филаретомъ Гумилевскимъ, который былъ однимъ курсомъ его старше. Но „неясныя неопредѣленныя черты души его“ не произвели живого впечатлѣнія на А В-ча и онъ безъ труда оставилъ

сій Дроздовъ, очень молодой іеромонахъ 4-го курса, отличался очень бойкими способностями и неутомимымъ трудолюбіемъ по классу герменевтики При необыкновенно красивой наружности онъ постоянно чуждался женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ какъ отъ заразы; впрочемъ и вообще не любилъ общества и все время проводилъ за книгами“ *Р Архивъ*, 1881, I, 290—291, тоже *Богосл Вѣстн* 1894, 4 кн 165 — Данныя о воспитании А В. Горскаго заимствованы нами главнымъ образомъ изъ *Дневника* его

[1]) Вотъ нѣсколько воспоминаній объ нашей академіи того времени того же *гр М Вл Толстого*, который слушалъ лекціи и, какъ увидимъ далѣе, рядомъ сидѣлъ на нихъ съ А. В. Горскимъ „Могу сказать по чистой совѣсти, что ни отъ кого изъ нихъ (студентовъ) не видалъ дурного примѣра, кромѣ весьма немногихъ, искавшихъ иногда разсѣянія въ хмѣльныхъ напиткахъ Впрочемъ общихъ попоекъ никогда не бывало, кромѣ прощанія съ товарищами по окончаніи курса За то какъ много видѣлъ я добрыхъ примѣровъ скромности, уваженія къ старшимъ, трудолюбія и искренняго христианскаго благочестія Съ благодарностью воспоминаю и теперь при концѣ своего поприща о той нравственной пользѣ, которую я пріобрѣлъ изъ этихъ примѣровъ“. „Музыка и пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ не дозволялись въ академіи Церковное пѣніе было весьма развито“ и нѣкоторые москвичи увѣряли, что академическій хоръ не уступалъ синодальному и чудовскому *Р Архивъ* 1881, I 301, *Бог Вѣстн* 1894, IV, 374

бы Филарета, еслибы не рекомендація благодѣтеля. Впослѣдствіи Горскій и Филаретъ стали „хотя бы и друзьями“, но ихъ сближеніе произошло на почвѣ научныхъ симпатій. Было у А. В-ча среди студентовъ еще человѣка два три близкихъ, но тутъ была близость только, а не дружба, къ которой онъ предъявлялъ „высшее требованіе“. Ужъ очень многаго требовалъ А В. отъ своихъ друзей Разборчивый на друзей, онъ хотѣлъ любить ихъ нѣжно и искалъ такого же чувства къ себѣ, любилъ онъ ревниво и не желалъ, чтобъ его другъ былъ еще чьимъ-нибудь другомъ Отсюда неровность въ отношеніяхъ: съ однимъ изъ близкихъ товарищей онъ ссорился и мирился ежедневно, а другого оставилъ потому, что не надѣялся его отвлечь отъ дружбы съ другими Понятно, что не легко А. В-чу было найти друзей, и онъ не нашелъ. Онъ всегда чувствовалъ одиночество, скуку, пустоту души Въ его душѣ былъ живой, неизсякаемый родникъ мыслей, чувствъ и стремленій Наблюдая себя Горскій пишетъ, что „душа какъ воздухъ вѣчно въ движеніи, какъ море вѣчно зыблется; каждыя сутки—свой приливъ и отливъ мыслей и чувствованій“ Слѣдствіемъ полноты духовной жизни была потребность, высказаться „подѣлиться въ избыткѣ съ другою душой“ Но у А В-ча не было этой другой души. „Моя внутренняя часть бытія, жалуется онъ, еще не находила себѣ ни чистаго протока, ни крѣпкаго сосуда; она полнѣетъ и сгущается сама въ себѣ и эта полнота губитъ меня“. Одно ничтожное обстоятельство показало Горскому, что онъ никогда не найдетъ себѣ среди товарищей друга по мысли и онъ отшатнулся отъ нихъ Разъ вечеромъ онъ игралъ въ вистъ съ своими однокурсниками пріятелями. Горскому не везло. Партнеры шутили и обидѣли его. Чувство обиды скоро прошло, но расположенія, близости къ этимъ товарищамъ уже не вернулось. Онъ рѣшилъ тогда жить съ самимъ собою и разорвать связи съ товарищами,—рѣшилъ и исполнилъ рѣшеніе. Съ этого момента онъ повелъ свой дневникъ, задачей котораго поставилъ самонаблюденіе во всѣхъ отношеніяхъ особенно въ нравственномъ. „Нѣтъ—начинаю, пишетъ онъ, и доколѣ не узнаю своей стихіи буду вписывать въ эту тетрадку все, что имѣло особенное вліяніе на мое сердце“. „Полнота (жизни сердца) губитъ меня.. Я хочу ее изливать по крайней мѣрѣ чрезъ перо на бумагу.

Бумага теперь мнѣ *вѣрный другъ* Буквы — исторія моего сердца, и какъ непрерывна дѣятельность послѣдняго, такъ пусть будетъ непрерывно мое очертаніе самого себя; я хочу испытывать и замѣчать себя на всѣхъ точкахъ“ Это произошло въ 1830 году, когда Горскому было всего 18 лѣтъ. Такъ одинъ изъ сердечнѣйшихъ юношей отказался отъ товарищескаго общества, живой и жизнерадостный—принялъ угрюмый видъ, скромница—онъ производилъ впечатлѣніе гордеца. Его боялись Его угрюмость и замкнутость послужили поводомъ для обидныхъ предположеній на счетъ его товарищеской чести По переходѣ въ богословскій классъ, т е. на третій курсъ, противъ своего желанія А В. былъ сдѣланъ старшимъ на младшемъ курсѣ въ 9 №, въ угловой комнатѣ теперешней квартиры эконома [1]) Изъ товарищей однокурсниковъ къ Горскому почти никто не ходилъ, изрѣдка приходили земляки. Онъ ни съ кѣмъ почти изъ жившихъ въ его комнатѣ студентовъ не говорилъ и всегда былъ за дѣломъ У него, какъ у старшаго, былъ отдѣльный столикъ для занятій въ свѣтломъ углу между окнами И когда онъ садился за этотъ столикъ, то никто изъ студентовъ не дозволялъ себѣ громкихъ разговоровъ, говорили шопотомъ и не ходили по комнатѣ Впрочемъ послѣ перевели въ его номеръ еще одного сухорукаго ярославца; этотъ порою шумѣлъ, но товарищи стращали его Горскимъ и онъ утихалъ Вотъ воспоминанія современника студенческихъ лѣтъ Горскаго. Въ такихъ странныхъ отношеніяхъ къ товарищамъ стоялъ А. В но, это нисколько не соотвѣтствовало его нравственнымъ качествамъ, мѣтко указаннымъ тогда въ отзывѣ инспектора:—„любовь къ порядку и постоянная настроенность духа къ добру“. Одинокъ былъ А В. среди школьныхъ товарищей. Долго и потомъ мучительно чувствовалъ онъ свое одиночество,—недостатокъ друга, который былъ бы указателемъ во всѣхъ случаяхъ внутренней его жизни, чтобы придти къ нему отдохнуть, освѣжиться отъ

---

[1]) Всѣ студенты, жившіе у него, боялись его какъ близкаго къ нелюбимому инспектору Евлампію, сообщаетъ П С Казанскій,—онъ почти ежедневно послѣ ужина вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ ходилъ къ Евлампію для какого то толкованія писанія и просиживалъ у него до 12 часовъ

пыльной работы послѣ бесѣды съ „мертвыми друзьями“. Обращеніе съ людьми А. В. впослѣдствіи непрестанной работой надъ собою совершенно измѣнилъ Всѣ, кто его помнятъ, свидѣтельствуютъ объ его доступности, простотѣ въ обращеніи, объ его общительности и искренности: онъ относился какъ то ко всѣмъ одинаково радушно. Т. И Филиповъ передаетъ трогательный разсказъ о сближеніи А. В-ча съ благочестивымъ но безграмотнымъ крестьяниномъ-сборщикомъ, который, приходя на богомолье къ Троицѣ, пользовался его гостепріимствомъ и радушемъ. А между тѣмъ у него всегда оставалась сторона жизни, которую онъ таилъ даже отъ самыхъ близкихъ людей. „Я не зналъ еще человѣка, говоритъ П. С Казанскій, который бы такъ уклонялся отъ объясненія внутренняго своего состоянія, какъ покойный А. В Никогда онъ не только не говорилъ о внутреннихъ опытахъ духовной жизни, но и уклонялся отъ всякихъ совѣтовъ касательно духовной жизни. Вызываемый неоднократно на разговоры подобнаго рода, онъ ограничивался какими то отрывочными указаніями“. Отсюда и выходило, что немало людей считали себя друзьями А В-ча, а онъ всегда нуждался въ другѣ

На почвѣ одиночества и скуки у Горскаго студента не разъ возникало желаніе принять монашество. И если бы его родители не были такъ заботливы о своемъ сынѣ, еслибы А В-чемъ не руководилъ Ѳеодоръ Александровичъ, онъ былъ бы монахомъ Первый разъ онъ разгорѣлся этимъ желаніемъ, когда былъ на второмъ курсѣ академіи Тогда (19 августа 1829 г) постригли въ монашество Димитрія Гумилевскаго, будущаго Филарета черниговскаго Насмотрѣвшись на обрядъ „живого погребенія“, 17-тилѣтній мальчикъ пишетъ въ Кострому просьбу благословить и его на путь иночества. Въ отвѣтъ на это отецъ Горскаго прислалъ ему замѣчательное письмо. „Другъ нашъ милый, любезный сынъ Александръ Васильевичъ! Благоговѣйныя твои чувствія къ равноангельному иночеству поставили меня въ такое недоумѣніе, что я незнаю, чему оныя приписать и какъ ихъ назвать Щастливый путь къ небесамъ юпому Филарету! но неужели только на воскрыліяхъ иноческихъ и влетаютъ въ горнія области? И за нами и передъ нами и вокругъ насъ тысячи, не сотни опытовъ доказали и будутъ доказывать,

какъ скользка и какъ опасна стезя монастырская. Еслибы не блескъ митры и панагіи обманывалъ своимъ сіяніемъ пылкую и порывистую юность, то пустыни вѣрно были бы пустыми Прямое самоотверженіе не въ словахъ слѣдовательно и не въ повтореніи клятвъ и обѣтовъ, и мною и тобою данныхъ и принятыхъ Сдѣлай милость, если впередъ случится тебѣ быть зрителемъ церемоніи постриженія какого-либо сотрудника, то смотри на это безъ жару, гораздо поравнодушнѣе, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, безъ всякой зависти Вообще на все обворожительное и прелестное надо бы глядѣть со стороны невыгодной; въ противномъ случаѣ мишуру примешь за золото или пустую тѣнь за тѣло. Торопливая необдуманная поспѣшность въ моихъ глазахъ ничего болѣе не обѣщаетъ, какъ минутный метеоръ, который блеснетъ и исчезнетъ Мать твоя все это прослушала и говоритъ: хорошенько его!“ [1]) Но мысль о монашествѣ долго не покидала А. В-ча Не разъ во снѣ онъ видѣлъ себя монахомъ, а вмѣстѣ и родителей, будто бы сочувствовавшихъ его постриженію. На самомъ дѣлѣ они были всегда противъ этого. Послѣ извѣстнаго намъ разрыва съ товарищами А. В. опять сталъ просить домашнихъ разрѣшить ему идти въ монахи. Отецъ отвѣтилъ ему уже не такъ энергично, но не совѣтовалъ самому безъ предложенія начальства принимать монашество А между тѣмъ въ академіи былъ у А. В-ча добрый геній, который оберегалъ пылкаго юношу отъ увлеченія клобукомъ—Ѳ. А Голубинскій Когда А. В. былъ бакалавромъ академіи 28 лѣтъ отъ роду, онъ почувствовалъ неудовлетворенность въ однихъ ученыхъ занятіяхъ, пришелъ къ мысли, что не въ нихъ только заключается цѣль жизни и сталъ опять думать о постриженіи. Отецъ уже не настаиваетъ на своемъ запрещеніи, зато мать съ большой энергіей, ее отличавшей, убѣждаетъ сына отказаться отъ своего намѣренія. „Какое мы письмо отъ васъ получили, обращается она къ сыну, оно такъ насъ поразило День твоего ангела весь провели въ тоскѣ и слезахъ . На колѣняхъ молю тебя— не говорю, что плачу—слезы всегда со мною — и прошу, сжалься надъ нами, тебѣ быть нашимъ утѣшеніемъ Вздумать не могу о тебѣ,—какую долю выбираешь себѣ! Такую

---

[1]) *С К Смирновъ*, Прав. Обозр 1876, III, 482

скорбію объято сердце мое, что объяснить тебѣ не могу". Совѣты отца, слезы матери и вліяніе руководителя убѣдили наконецъ А. В-ча и спасли его для академіи, для науки. Трудно точно указать время, съ котораго А. В пересталъ стремиться къ постриженію Но когда впослѣдствіи м. Филаретъ не разъ предлагалъ А В-чу монашество, обѣщая викаріатство въ Москвѣ, онъ всякій разъ отказывался: онъ представлялъ владыкѣ, что принятіе иноческаго сана отвлечетъ его отъ ученыхъ и учебныхъ занятій, которымъ желалъ онъ посвятить всю свою жизнь, удалитъ отъ любимой имъ академіи и лавры и заставитъ заниматься дѣлами чуждыми наукѣ то въ той, то въ другой епархіи

Но и не принявъ монашества, А В жилъ какъ монахъ, по признанію самого митр Филарета, или былъ „святѣе монаха", какъ справедливо говорили въ обществѣ Онъ не имѣлъ никакого расположенія къ женитьбѣ. И хотя объ этомъ мечтали и просили его родители, умолялъ передъ смертью братъ изъ далекаго Китая, хотя родители нѣкоторыхъ дѣвушекъ, а можетъ быть и эти послѣднія, любовались представительнымъ, нѣсколько поблѣднѣвшимъ отъ науки, скромнымъ баккалавромъ,—онъ всетаки не женился, отказываясь угрюмой привычкой къ одинокой жизни, представляя, что это „тяжелое состояніе" стѣснитъ свободу его сердца, которая „въ тишинѣ и уединеніи", и оторветъ отъ науки.—Другой монашескій обѣтъ—повиновенія едвали исполнялъ кто въ такой степени какъ А. В.—Онъ былъ очень религіозенъ и воздержанъ: съ 25 лѣтъ не ѣлъ мяса. Одна была у него свѣтская привычка — курить дешевыя сигары, которую онъ бросилъ послѣ замѣчанія митрополита предъ поставленіемъ въ священники.

Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ. Воротимся къ студенческимъ годамъ А В-ча и посмотримъ на его учебныя занятія. Въ академію онъ попалъ очень рано: онъ кончилъ ея курсъ не имѣя и 20 лѣтъ,—возрастъ, въ которомъ мы еще учимся въ семинаріи; въ семинаріи онъ не изучалъ богословскихъ наукъ, и можетъ быть отъ того учился въ академіи не такъ блестяще, какъ это несомнѣнно могъ по своимъ дарованіямъ и трудолюбію: въ спискѣ онъ значился пятымъ, четвертымъ и третьимъ студентомъ. А трудолюбіе его дѣйствительно было велико. „Онъ всегда былъ за дѣ-

ломъ", вспоминаетъ современникъ его студенческихъ годовъ П. С. Казанскій. „Когда онъ садился" за свой столикъ въ углу 9 номера, „то не видалъ никого". А. В. очень дорожилъ своимъ временемъ По крайней мѣрѣ отецъ читалъ между строками его писемъ, что у него и часовъ нѣтъ свободныхъ, нетолько что дней. Онъ сдерживаетъ ревностнаго юношу. „Совѣтъ мой старинный и обыкновенный—громадой не удивишь (рѣчь идетъ о сочиненіяхъ), всего не вычерпаешь" Въ студенческіе годы опредѣлилась у А. В-ча склонность къ исторической наукѣ, которой впослѣдствіи онъ такъ славно послужилъ. Изъ профессоровъ оказалъ на него замѣтное вліяніе Ѳедоръ Алексѣевичъ Терновскій-Платоновъ, который тогда (въ 1828—1832 годахъ) читалъ гражданскую исторію. Сидя на его лекціяхъ рядомъ съ гр. М Вл Толстымъ, онъ увлекался краснорѣчивымъ разсказомъ объ основаніи новыхъ государствъ на развалинахъ западной Римской имперіи или о крестовыхъ походахъ и общими силами они записывали лекціи даровитаго баккалавра Впрочемъ А. В. усердно посѣщалъ аудиторіи и другихъ профессоровъ,—тогда студенты не лѣнились слушать. Лекціи Ѳ. А. Голубинскаго, который говорилъ имъ не торопливо на латинскомъ языкѣ, А. В. тоже записывалъ [1]). Лучшими студенческими работами Горскаго были два сочиненія по гражданской исторіи, писанныя Терновскому На одномъ рецензентъ писалъ: „разсужденіе по основательности мыслей, правильности расположенія ихъ и по обработанности слога очень хорошее. Изъ многихъ историческихъ подробностей видна въ сочинителѣ охота заниматься чтеніемъ книгъ историческихъ". Въ академіи А. В. изучилъ хорошо три древнихъ языка, зналъ онъ и три новыхъ, хотя объясняться на нихъ не могъ.

III.

Годы профессорства. Духовная личность.

Скоро для научной любознательности Горскаго открылось обширное поприще. Окончивъ курсъ третьимъ магистромъ

---

[1]) *Р. Архивъ*, 1881, I, 298, 300, 304, II, 71; *Бог Вѣст* 1894, 4 кн, 513, *Душ Чт* 1890, 3 кн, 505—506

(1832 г.), онъ подвергался опасности быть посланнымъ въ родимую Кострому и забытымъ въ академіи. Но при помощи Ѳ. А. Голубинскаго его устроили профессоромъ Московской семинаріи по предмету церковной и гражданской исторіи, а оттуда всего чрезъ годъ, въ августѣ 1833 г., опять не безъ участія Ѳеодора Александровича, выбрали въ академію на каѳедру церковной исторіи Поприще открывалось обширное и у А. В-ча было много энергіи „Я люблю науки, писалъ онъ своему покровителю, мнѣ дорогъ кругъ просвѣщенія, меня радуетъ большая свобода ума въ высшихъ кругахъ. Силы свѣжія и бодрыя требуютъ дѣятельности". Но онъ не ушолъ въ науку всецѣло. Въ его душѣ кромѣ страстной любознательности всегда жила пламенная религіозность. Воспитанный по церковному, онъ былъ уставщикомъ въ академіи и съ увлеченіемъ канонаршилъ своимъ громкимъ теноромъ. Въ этой церковности не было мѣста тупому обрядовѣрію, а въ религіозности отсутствовало ханжество. Религіозность была жизнью духа А. В-ча и потому отличалась глубиною проникновенія. Съ чувствомъ восторга и умиленія онъ описываетъ дни, когда пріобщался св Таинъ, „дни благословенія и благодати"; по обычаю древнихъ христіанъ причащался онъ въ первый день Пасхи. Любимымъ мѣстомъ его молитвы былъ Троицкій соборъ, гдѣ онъ становился обычно противъ мощей преп Сергія между правымъ клиросомъ и стѣной Въ великіе дни церковнаго года А. В искалъ въ себѣ настроенія, соотвѣтствующаго святымъ воспоминаніямъ, умѣлъ „чувствовать праздникъ" и съ замѣчательной тонкостью анализируетъ истинно-христіанское настроеніе недѣли страстей и свѣтлаго дня Въ страстную недѣлю (какъ извѣстно о послѣднихъ десяти годахъ его жизни) А В. выстаивалъ длинныя службы въ Троицкомъ соборѣ Его мысль неслась къ Галгофѣ, сердце сострадало Распятому Свѣтлый праздникъ заставалъ его за евангеліемъ Не звонъ, не праздничная суета, не наслажденіе трапезой, не оживленное общество создавали и составляли чувство праздника „Праздникъ, пишетъ онъ въ первый день Пасхи, начался только еще въ области моихъ чувствъ; духа онъ коснулся только мимолетнымъ звукомъ" Сущность праздничнаго настроенія „въ кроткомъ наслажденіи самыми высшими плодами, праздникъ— въ глубокомъ мирѣ и радости, слышимой только для вну-

тренняго слуха“ Надо усердно беречь это святое настроеніе. Допустивъ чистую духовную радость, можно за нею впустить и другія нестолько чистыя, не прямо изъ духа праздника почерпнутыя. Святая искра можетъ истребиться отъ одного злого дуновенія, при неосторожности сложиться съ другимъ недостойнымъ пламенемъ—и это всего чаще видимъ у людей. Для поддержанія духовной радости онъ совѣтуетъ хранить и чувство постоянной скорби, какую носитъ въ душѣ своей христіанинъ. Въ своей жизни А. В. чувствуетъ руку Божественнаго провидѣнія и въ знаменательные дни или трудныя минуты, въ часы душевнаго разлада ищетъ указанія въ первомъ открывшемся текстѣ вѣчной книги. Его религіозности не былъ чуждъ мистицизмъ, который онъ признавалъ „самой животворной и существенной частью христіанскаго богопочитанія“ Въ этомъ можетъ быть сказалось вліяніе его руководителя Ѳ. А. Голубинскаго [1]). Изъ многихъ страницъ дневника А. В-ча, дышущихъ религіознымъ восторгомъ, приведемъ только нѣсколько строкъ. „Кто тамъ? Кто хочетъ говорить со мной? Кто говоритъ со мною? Одна ли душа моя, увлекаемая прежнею настроенностью, созидаетъ для себя новые образы и передаетъ ихъ моему внутреннему чувству. Или мой добрый ангелъ, посланный и ко мнѣ хотящему, идущему, стремящемуся наслѣдовати спасеніе,—бесѣдуетъ со мною въ часъ нощнаго покоя, возбуждая меня ко свѣту грядущаго Сіона? Нѣтъ! Сама душа моя говоритъ мнѣ, что это голосъ небеснаго“. Далѣе описывается сонъ встрѣчи небеснаго жениха

Ясно, что религіозная потребность въ душѣ А. В-ча была не слабѣе стремленія къ научной истинѣ. И вотъ проф. Горскій ищетъ дополненія къ своему состоянію въ духовномъ званіи—въ священствѣ или монашествѣ. Но въ монашество не пускала его родительская воля, а препятствіемъ для священства была необходимость жениться. Со временемъ это препятствіе было устранено и А. В. сталъ священникомъ

---

[1]) Мистицизмъ обоихъ выражался въ однѣхъ формахъ: вѣра въ сны и въ общеніе душъ О Ѳ А Голубинскомъ съ этой стороны см въ статьѣ *проф С С Глаголева*, Прот Ѳ А Голубинскій (*Бог Вѣстн* 1898 г.) по отдѣльному оттиску, стр 19 и слѣд

Въ 1859 г. митр. Филаретъ даетъ Горскому порученіе составить записку о томъ, „необходимо ли требуютъ каноническія постановленія, чтобы приходскіе священники были женаты, и на какомъ основаніи, и съ какого времени утвердился у насъ обычай рукополагать не иначе, какъ когда предназначаемый къ рукоположенію вступитъ въ бракъ". Митрополитъ имѣлъ въ виду желаніе самого Горскаго сдѣлаться священникомъ не вступая въ бракъ. Порученіе было выполнено съ обычной тщательностью и безпристрастіемъ и. выводъ справки былъ такой, что „канонически не было воспрещено рукополагать во священники и діаконы изъ безбрачныхъ; но вслѣдствіе разныхъ причинъ само собою, какъ въ Греціи такъ и у насъ на Руси, ввелось въ обычай поставлять только вступившихъ въ бракъ". Митрополитъ согласился съ заключеніемъ Горскаго и предложилъ ему просить о поставленіи въ священники безъ брака Такъ въ 1860 г. (24 марта) А. В. былъ рукоположенъ во священники и въ томъ же году получилъ званіе протоіерея. Много толковъ— за и противъ вызвало небывалое у насъ происшествіе посвященія холостого Заинтересовались даже въ высшемъ обществѣ [1]). Гиляровъ-Платоновъ разсказываетъ характерный случай, имѣющій ближайшее отношеніе къ посвященію А. В-ча. „Покойнаго митрополита Филарета разъ спросили: „почему при посвященіи во священники или дьяконы, если то мірянинъ, требуется непремѣнно женитьба? И почему нельзя вдоваго дьякона произвести во священники?"—Нѣтъ, можно, отвѣчалъ митрополитъ; не запрещено ни то, ни другое.— „Отъ чего же вы не посвящаете?"—Ищу достойнаго, отвѣтилъ іерархъ. Предразсудокъ въ обществѣ вкоренился. Митрополитъ искалъ, чтобы переломить предразсудокъ, такое лицо, предъ которымъ бы смолкли всѣ. И онъ нашелъ. Послѣ сорокалѣтняго исканія, онъ предложилъ священную сте-

---

[1]) *Гр Дим Н. Толстой* разсказываетъ. „Рукоположеніе А В-ча было такъ ново, что породило тогда много толковъ даже въ нашихъ салонахъ, обыкновенно крайне безразлично относившихся къ церковнымъ событіямъ По общему у насъ невѣдѣнію каноновъ встрѣчались даже сомнѣнія въ правильности его рукоположенія, иные смѣшивали целибатъ съ монашествомъ и спрашивали, почему онъ не носитъ клобука" *Р Архивъ*, 1875, 3, 474 Въ одномъ изъ своихъ писемъ К. И. Новоструеву А. В. жалуется на нелѣпые слухи, ходившіе даже въ академической корпораціи *Попов*, 88.

пень безженному профессору Горскому, уже извѣстному ученому и притомъ подвижнику, о которомъ, узнававшіе его нѣсколько, спрашивали только съ удивленіемъ: „Что за странность! Что жъ онъ не идетъ въ монахи, исполняя монашескіе обѣты и ведя жизнь святѣе монаха?“ Митрополитъ не обманулся: посвященіе холостого Горскаго во священники удивило въ свое время какъ новость, но никого не смутило“ [1]). По письмамъ А. В-ча можно судить, въ какое восторженное состояніе пришолъ онъ, получивъ „приближеніе къ престолу благодати“. Конечно безприходное священство (А В былъ приписанъ къ Архангельскому Московскому собору) не открыло ему поприща пастырскаго служенія. Впрочемъ онъ и не искалъ этого поприща: онъ отказался напримѣръ отъ духовничества,—отъ главнѣйшей сферы пастырскаго руководительства. Но положеніе священника удовлетворяло его религіозной потребности и, питая чувство, содѣйствовало гармоніи духа.

А. В. Горскій былъ рѣдкая нравственная личность. Постоянное самоуглубленіе, эта вѣчная борьба съ своими иногда „неукротимыми“ мыслями, настойчивое стремленіе осуществить евангеліе въ своей жизни,—поднимаютъ его высоко изъ ряда вонъ. Въ одномъ мѣстѣ дневника онъ перечисляетъ рядъ своихъ грѣховъ и мы видимъ отсюда, что это былъ человѣкъ духа, а не плоти. А. В. обладалъ живымъ критическимъ умомъ и острымъ языкомъ. Возмущавшимъ или смѣшившимъ его людямъ и людишкамъ сильно доставалось порою отъ его насмѣшливыхъ рѣчей. Но онъ тотчасъ раскаивается въ грѣхѣ осужденія, укоряетъ себя за гордость, пустословіе. У обидѣвшагося самъ проситъ прощенія. Онъ имѣлъ живой воспламеняющійся темпераментъ, иногда не могъ удержаться отъ гнѣвной вспышки или выраженія досады, но послѣ этого чувствуетъ „сердечное осквернѣніе“. Положеніе ученаго да еще выдающагося развиваетъ разные виды самолюбія. Въ молодыхъ лѣтахъ, по собственному сознанію, А. В. былъ не чуждъ честолюбія, но и тогда оно не составляло его страсти, слѣпой и неразумной.

---

[1]) Сборникъ сочиненій, II, 465. Митр. Филаретъ будто бы говорилъ еще до посвященія А. В-ча „если я не сдѣлаю (т. е. не посвящу его), то и другой никто не сдѣлаетъ; а если я сдѣлаю, то мнѣ ничего не сдѣлаютъ“ *Чт Общ Ист. и Древн.* 1875, III, 156—157

Его не прельщала свѣтская карьера съ почестями и чинами. „Да и напрасная мечта, справедливо разсуждаетъ онъ, съ спокойною совѣстью достигнуть порядочнаго значенія въ свѣтѣ“. Онъ не любовался самимъ собою и осуждалъ проявленія самомечтательности, какъ и суетную любознательность и мелкое ученое тщеславіе, отъ малѣйшаго зародыша котораго чувствовалъ „потерю душевной чистоты и мира“. Такъ нашъ ученый воспиталъ въ себѣ „бездну смиренія“ и не могъ покланяться тѣмъ божкамъ, которымъ служитъ ученая ординарность, не могъ удовлетвориться блескомъ своей ученой карьеры. Мало того, для душевной чистоты и мира ему недостаточно было тонкаго духовнаго наслажденія, какое дается ученымъ трудомъ. Въ трудахъ кабинета есть доля эгоизма, умственнаго сибаритства. А. В. отлично это чувствовалъ, въ немъ жила всегда насущная потребность дѣятельной любви. Вотъ какія строки записаны имъ въ дневникѣ послѣ трудового дня. „Рука устала; голова утомилась; глаза слипаются. День трудился, ночь на покой. Нынѣ вечеромъ приводя себѣ на память, что дѣлалъ я днемъ,—что-то непріятное я почувствовалъ, вспомнивъ, что сей день трудился только для себя, не имѣвъ случая добра сдѣлать кому-нибудь Едва родилась сія мысль—нашелся случай исполнить ее: я услышалъ жалобу моего повара и, чѣмъ могъ и зналъ, сдѣлалъ пособіе“.

Итакъ Горскій личность въ высшей степени цѣльная. Это былъ ученый глубоко вѣрующій, убѣжденный, что во всѣ времена все высокое въ стремленіяхъ духа человѣческаго истекаетъ изъ источника святой вѣры Въ своемъ служеніи наукѣ видитъ онъ служеніе церкви, одинъ изъ видовъ духовнаго званія. Это былъ искренно религіозный и просвѣщенно—религіозный человѣкъ, который писалъ одинъ разъ м. Филарету. „стыдѣніе лица той наукѣ, которая хочетъ защищать истину ложью“ Эта была наконецъ рѣдкая нравственная личность. Поставленный въ положеніе, неудобное для проявленій дѣятельной любви, А. В. вноситъ христіанскую добродѣтель въ дѣло науки и научнаго руководительства. Кратко сказать, А В. Горскій былъ представитель религіозной науки, просвѣщенной религіозности и высоко-нравственной учености.

IV.

Вліяніе времени.

Горскій преподавалъ въ академіи 30 лѣтъ церковную исторію и 12 послѣднихъ догматическое богословіе. Тогдашняя каѳедра церковной исторіи (по крайней мѣрѣ въ первые годы службы А. В-ча) обнимала цѣлый рядъ наукъ: библейскую исторію, исторію древней и византійской церкви, русскую церковную исторію и исторію западныхъ исповѣданій, т. е. четыре теперешнихъ каѳедры. А. В былъ профессоръ въ высшей степени добросовѣстный—не опускалъ ни одного важнаго отдѣла изъ своего необъятнаго предмета, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіяся послѣ него записки И это обстоятельство вмѣстѣ съ необычайной любознательностью А. В-ча содѣйствовало его всесторонней историко-богословской учености. Англійскій путешественникъ Стэнли былъ удивленъ его глубокими познаніями относительно англиканскаго исповѣданія. А одного студента изъ свѣтскихъ А В. руководилъ въ изученіи исторіи магометанства. Нелегко далась ему громадная ученость—да вѣдь это и предразсудокъ, будто можно сдѣлать что-нибудь въ наукѣ безъ большого труда, одними дарованіями Сдѣлавшись баккалавромъ академіи всего 21 года, Горскій отдался неустаннымъ трудамъ. Онъ рѣдко ѣздилъ въ Кострому, не смотря на зовъ и мольбы родителей, даже, случалось, не писалъ имъ по мѣсяцу. Дома безпокоились, собирали свѣдѣнія о здоровьи сына на сторонѣ. А видавшіе въ то время А В-ча не скрывали, что онъ безъ мѣры и безъ пощады жертвовалъ собою академическимъ трудамъ, удивлялись его безцвѣтности и худобѣ и 25-ти—лѣтней старости. „Мнѣ сказали, пишетъ ему одинъ землякъ, что вы уже не тотъ Александръ Васильевичъ, бодрый, крѣпкій, мощный, румяный, каковъ были прежде, но пустынный и съ могильной физіономіей“ 24-хъ лѣтъ А. В. былъ экстраординарнымъ профессоромъ (въ январѣ 1837 г), а черезъ два года ординарнымъ Скоро почувствовалось, какая громадная созидающая сила А. В. Горскій Филаретъ Гумилевскій разъ писалъ къ нему „На тебѣ важная лежитъ отвѣтственность за направленіе цѣлой академіи. Твое вліяніе должно быть сильнѣе всѣхъ, потому что ты сильнѣе всѣхъ до одного изъ насъ

(я никому не люблю льстить, а тебѣ и нѣтъ нужды)". Но Горскій работалъ неутомимо не только въ первые, для всѣхъ трудные, годы профессорства. Онъ скоро овладѣлъ науками въ мѣрѣ даже болѣе чѣмъ достаточной для академическаго преподаванія; рано пришла къ ученому извѣстность, а за нею слава, но онъ не почилъ на лаврахъ [1]) Когда А. В ужъ былъ старцемъ—ректоромъ, половину ректорской квартиры онъ обратилъ въ библіотеку съ разными отдѣленіями и вѣчно читалъ. Его день былъ строго распредѣленъ для занятій и, можно сказать, свѣтильникъ его не угасалъ ночью. Это—выразимся словами самого А. В-ча—„труженикъ просвѣщенія праздновалъ всенощное бдѣніе въ честь истины".

Научныя заслуги А В. Горскаго не нашли до сихъ поръ надлежащей оцѣнки; да и сдѣлать это болѣе чѣмъ трудно. Этотъ „великанъ учености", какъ его назвали по смерти, не оставилъ послѣ себя многотомнаго собранія сочиненій; а вмѣсто того четыре десятка статей, разсѣянныхъ по журналамъ, что для 42-хъ—лѣтняго профессорства совсѣмъ немного Нѣтъ у него работъ, о которыхъ бы зналъ всякій образованный человѣкъ. Не сдѣлалъ онъ и подобныхъ, всѣмъ бы извѣстныхъ, открытій. Памятникомъ его поразительной учености служитъ Описаніе рукописей Синодальной Библіотеки, но этотъ трудъ онъ раздѣлялъ съ другимъ лицомъ и нелегко допскаться, что въ немъ принадлежитъ Горскому и что Невоструеву. Въ его бумагахъ остались курсы по разнымъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ Но это не отдѣланные труды, а просто уроки, какъ замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ,—уроки, „въ которыхъ въ сжатомъ видѣ передаются главные научные результаты, впрочемъ добытые большею частію его самостоятельнымъ трудомъ". Свою ученость А. В. съялъ, предоставляя собирать другимъ. Критическія замѣтки на поляхъ нашихъ академическихъ книгъ и рукописей, параллельныя цитаты, соображенія филологическаго характера,—вотъ сокровища его учености, подбираемыя, но никѣмъ еще не подобранныя. Онъ безкорыстно дѣлился своими познаніями съ другими нуждающимися, начиная отъ студента, кончая академикомъ. Но

---

[1]) А Н Муравьевъ, часто обращавшійся къ А. В-чу за научными указаніями, звалъ его шутя—„Премудрость" или „Лаврская премудрость". *Прибавл. Саввы*, II, 359 и 600

разсѣяннаго не соберешь. Такую ученость не оцѣнишь даже и приблизительно. Горскій—великій ученый, который навсегда останется подъ спудомъ [1]).

Въ этомъ въ значительной степени было повинно время, въ которое жилъ А В Тогда правилъ Московской паствой и „отечески пекся“ объ академіи митр Филаретъ. Близость Филарета къ академіи сообщала напряженность ея мысли и большій порядокъ жизни, но несомнѣнно отъ нея страдала свобода научнаго изслѣдованія, а А. В-чу пришлось пострадать можетъ быть больше другихъ Безпримѣрный умъ Филарета былъ всетаки умомъ своего времени, своего воспитанія. Это былъ единственный геній богословія, уродившійся на Руси. Но, — пусть не сочтутъ мои слова дерзостью или выходкой противъ памяти великаго человѣка,—митр. Филаретъ не зналъ исторіи, ея новыхъ методовъ и задачъ Нѣсколько страницъ изъ дневника Горскаго, описывающихъ Филарета на его экзаменѣ, лучше всего подтвердятъ это. Къ экзамену была представлена исторія „распространенія и угнетенія христіанства послѣ апостоловъ до Константина“. Когда отвѣчали о препятствіяхъ къ его распространенію и съ самаго начала указывали на разнообразное направленіе духа имперіи и духа христіанскаго общества, Филаретъ началъ свои замѣчанія. „Что такое духъ? Могли ли вы сами обнять и изслѣдовать духъ христіанства? обращается онъ къ профессору. Могли ли

---

[1]) Мы не думаемъ, что оцѣнка научныхъ трудовъ и заслугъ А В. Горскаго только вопросъ времени, что онъ весь высказался, кромѣ печатныхъ трудовъ и неизданныхъ курсовъ, въ научной перепискѣ и главнымъ образомъ въ безчисленныхъ замѣткахъ на книгахъ и рукописяхъ Предположимъ почти невозможное, будто всѣ замѣтки Горскаго можно собрать, а всѣ письма и курсы найти и издать. Въ результатѣ этого труда будетъ только собраніе сырого матеріала, не больше. Развѣ въ этомъ высказывается весь ученый? Еслибы А. В. оставилъ этотъ матеріалъ даже въ систематическомъ порядкѣ, то и тогда нельзя бы считать ученаго высказавшимся Мы не уловили бы тѣхъ общихъ идей, которыя управляли этой громадной работой собирателя, не увидали бы того зданія, которое онъ проектировалъ построить А В-ча звали при жизни, называютъ и теперь *энциклопедіей*. Но точно ли это названіе по отношенію къ покойному ученому? Не былъ ли онъ больше, чѣмъ живая энциклопедія? Даже если и такъ, если признаемъ, что у А В-ча не было бы связной, продуманной во всѣхъ частяхъ научной системы, то возникаетъ еще вопросъ, есть ли надежда возстановить болѣе или менѣе удовлетворительно обработанныя и обдуманныя части его системы? Не думаемъ чтобы возможно было сдѣлать и это.

вмѣстить это головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе въ исторіи. Смотрятъ на человѣчество, какъ на одного человѣка, и усвояютъ ему то то, то другое общее направленіе. Прекрасный взглядъ на исторію Боссюэтовъ". Но историческія воззрѣнія Боссюэта были отсталыми и въ свое время, въ концѣ XVII стол. Это смѣлая попытка унизить исторію до степени простой послушницы теологіи. Одинъ только факторъ онъ признаетъ въ исторіи: волю Провидѣнія, управляющаго царствами и сердцами людей. „Впослѣдствіи, продолжаетъ Филаретъ, другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству; они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свою идею Все это пустяки!" Въ изложеніи причинъ гоненій митрополиту не понравилось, что они оправдывались законами римской имперіи и потому были какъ бы законнымъ дѣломъ. Онъ признавалъ одну только причину ихъ—религіозную, языческое суевѣріе. „Вотъ вы, кажется, главное то и упустили Слона то и не примѣтили. Главною причиною . было языческое суевѣріе А вы объ немъ ни слова" Но оказалось, что въ курсѣ А. В-ча была указана и религіозная причина, только поставлена на третьемъ мѣстѣ. Слушая о томъ, какъ влияла философія на образъ мыслей о христіанахъ, Филаретъ замѣтилъ. „Все теоріи. Вы говорите о сектахъ, а о святыхъ мученикахъ говорить не будете?" [1]) Но въ концѣ экзамена услышалъ и о знаменитыхъ мученикахъ —Какія чувства испытывалъ послѣ экзамена профессоръ церковной исторіи, онъ не передалъ въ своемъ дневникѣ ни единымъ словомъ. Измѣнилъ ли онъ этотъ отдѣлъ къ слѣдующему году, къ сожалѣнію мы не знаемъ. Знаемъ только, что метода Неандера онъ не перемѣнилъ на Боссюэтовъ [2]). Строга была цензура надъ академическими лекціями, но еще строже надъ печатными работами наставниковъ. У А. В-ча есть такое сообщеніе въ дневникѣ Ректоръ академіи Филаретъ Гумилевскій, воротившись отъ митрополита, разсказывалъ о своей бесѣдѣ съ нимъ—и жалобу владыки на недостатокъ у насъ духовныхъ сочиненій· „ученые ду-

---

[1]) *Дневникъ* Приб 34 ч 134—136, Ср Исторія академіи, 198

[2]) Но Филаретъ, не смотря на свои возраженія, должно быть былъ доволенъ экзаменомъ А. В-ча, такъ какъ въ этомъ же году (1837) сдѣлалъ его экстроординарнымъ профессоромъ.

ховные, — говорилъ онъ, — ничего не пишутъ". „Да какъ и писать? замѣчаетъ отъ себя А. В. Что ни будетъ написано со стараніемъ раскрыть новую сторону въ предметѣ, — все это покажется ересью. Вотъ напримѣръ ересь: мыслѣ о развитіи догматовъ". И въ дальнѣйшихъ рѣчахъ излагаетъ свой взглядъ на этотъ коренной вопросъ богословской и церковно-исторической науки, — взглядъ вполнѣ ортодоксальный [1]). Филаретъ и Горскій были люди разныхъ эпохъ, несродныхъ воззрѣній на Христову истину. Филаретъ былъ догматистъ—христіанство онъ считалъ неподвижной и всегда себѣ равной доктриной и въ самомъ себѣ и въ сознаніи человѣчества. Горскій былъ церковный историкъ. Твердо и православно вѣруя, онъ допускалъ нѣкоторое развитіе христіанской догмы въ сознаніи церкви [2]). И онъ былъ поставленъ въ невозможность раскрывать новыя стороны въ этомъ главнѣйшемъ вопросѣ своей науки. Но А. В привыкъ подчиняться еще съ дѣтства, Филаретъ сталъ для него на мѣсто родителей. Впрочемъ было бы несправедливостью сказать, что А. В. преклонялся только предъ внѣшней силой Филарета—предъ его властью, несомнѣнно онъ благоговѣлъ предъ умомъ Московскаго святителя и въ его глубокомъ богословствованіи находилъ оправданіе своихъ собственнымъ строго православныхъ воззрѣній. Помнящіе то время люди передаютъ, что никто въ академіи не понималъ такъ хорошо научно-богословскихъ требованій Филарета, какъ А. В. Горскій. Митрополиту ежегодно представляли лучшія магистерскія сочиненія студентовъ, представляли послѣ передѣлки преподавателями и ничьи сочиненія не проходили такъ благополучно, какъ побывавшія у А. В-ча [3]). Ученый въ такомъ

---

[1]) *Тамъ же*, стр. 126—128. Въ лекціяхъ А В. формулировалъ свое воззрѣніе на этотъ вопросъ такъ „здѣсь (въ его курсѣ по церковной исторіи) говорится о развитіи догматики, а не догматовъ" *А П Лебедевъ*, 563

[2]) А В. признавалъ возможнымъ появленіе въ церкви новыхъ догматовъ конечно послѣ санкціи вселенскаго собора *Душ Чт*. 1891, III, 283 Филаретъ считалъ это какъ бы ересью. „Напрасно утверждаютъ, что у насъ богословская наука мало была разработываема. Что же? Развѣ хотятъ, чтобы созидаемы были новые догматы?" *Дневникъ*, Приб Ч 35, 252

[3]) Объясняя естественность подчиненія А. В Горскаго митр Филарету, — что лежало въ натурѣ ученаго, въ его воспитаніи и наконецъ въ преклоненіи предъ геніальнымъ святителемъ, мы не можемъ признать

положеніи становится или мученикомъ научной идеи, или ея измѣнникомъ. Но А. В. не погибъ, потому что не былъ героемъ; онъ не былъ измѣнникомъ и не продалъ своего пера. Онъ только скрывалъ порой свои открытія и очень мало писалъ, а если и писалъ, то почти безъ обобщеній, безъ выводовъ, которые бы открывали его научные взгляды, затрогивающіе систему церковнаго вѣроученія и господствующія вѣроисповѣдныя понятія. Можетъ быть въ этомъ сказалась прежде

вмѣстѣ съ Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ, что Филаретъ своимъ „духовнымъ гнетомъ" сдѣлалъ изъ Горскаго „мумію" Вотъ слова Соловьева объ отношеніяхъ м Филарета къ академіи и Горскому. „Подъ особымъ гнетомъ находилась духовная академія Московская и семинарія Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ не превращалъ человѣка въ мумію Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи—(къ этимъ словамъ покойный Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ дѣлаетъ свое примѣчаніе) Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи, Филаретъ вырываетъ ее и, чтобъ отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ—„Это что за нелѣпость", кричитъ онъ ему. Тотъ кланяется "—*Прим. Вл С Соловьева.* „Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни А В Горскаго я былъ съ нимъ близокъ въ качествѣ вольнаго слушателя Московской духовной академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ При необъятной учености, ясномъ пониманіи труднѣйшихъ вопросовъ и необыкновенной сердечной добротѣ, этотъ превосходный старецъ носилъ на себѣ печальные слѣды духовнаго гнета—въ крайней робости ума и малоплодности мысли сравнительно съ его блестящими дарованіями онъ все понималъ, но боялся всякаго оригинальнаго взгляда, всякаго непринятаго рѣшенія". *Записки С М Соловьева* Вѣст Евр. 1896, 3 стр 700 Но съ этими рѣзкими замѣчаніями Соловьевыхъ никакъ нельзя согласиться Соловьевъ - историкъ, котораго покидаетъ хладнокровіе и, пожалуй, безпристрастіе при сужденіи о Филаретѣ, къ тому же не зналъ лично Горскаго. Соловьевъ-философъ зналъ его, но едвали близко Люди, прожившіе въ академіи вмѣстѣ съ А. В-чемъ десятки лѣтъ, свидѣтельствуютъ, что онъ никогда не былъ „муміей": живая созидающая мысль всегда била въ немъ, только не для всѣхъ она высказывалась Почтенный историкъ судитъ объ А В-чѣ, кажется, только съ точки зрѣнія его печатныхъ трудовъ, не принимая во вниманіе другую главнѣйшую форму проявленія учености и научнаго вліянія Горскаго, — его научное руководительство (о чемъ рѣчь ниже) —Объ отношеніяхъ митр. Филарета къ Московской академіи можно читать въ *Исторіи академіи*

всего особенность природныхъ дарованій ученаго — превосходство аналитической способности надъ синтезомъ, но несомнѣнно не остались безъ вліянія и обстоятельства, при которыхъ онъ работалъ. Послѣ выхода изслѣдованія Макарія, тогда еще архимандрита, инспектора Петербурской академіи, (въ 1846 г.) „Исторія христианства въ Россіи до Владимира" Погодинъ проситъ А. В-ча написать разборъ. А. В. ему отвѣчаетъ. „Для себя я занимаюсь разборомъ, какъ могу и сколько могу, готовъ сообщить вамъ свои замѣчанія. Но положеніе дѣлъ нашихъ церковныхъ и мое личное положеніе не позволяютъ говорить печатно, что по совѣсти ученый можетъ и долженъ сказать въ своемъ кабинетѣ" [1]). Не по скромности только, но и для безопасности А. В. обычно не подписывалъ своихъ статей.—Вотъ почему онъ не сказалъ своего слова, не сдѣлалъ переворота въ наукѣ, а памятникомъ своей колоссальной учености оставилъ черную работу, нужную только спеціалистамъ—оставилъ Описаніе рукописей Синодальной Библіотеки [2]).

Любопытно прослѣдить личныя отношенія митр. Филарета къ А. В. Горскому Митрополитъ выдѣлялъ его изъ остальной академической братіи и порой писалъ ему [3]). Онъ встрѣчался съ Горскимъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, чаще, чѣмъ съ другими, т. е. чаще приглашалъ его къ себѣ [4]). Ученые подвиги и заслуги А. В-ча, его религіозность и нравственная чистота жизни нашли справедливую оцѣнку со стороны взыскательнаго начальника въ быстромъ повышеніи А. В-ча по службѣ, а особенно въ письмахъ къ оберъ-прокурорамъ по поводу разныхъ наградъ ему [5]). Московскій владыка, не

---

[1]) *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, VIII, 254 стр 143 „Простите нашей несмѣлости" отвѣчаетъ А В на просьбу Погодина написать разборъ сочиненій А Н Муравьева

[2]) Мало осталось печатныхъ трудовъ отъ А. В-ча еще и потому, что онъ былъ чуждъ обычныхъ побужденій къ „писательству"—желанія скверныхъ прибытковъ, честолюбія и очень уважалъ печатное слово

[3]) Письма м Филарета къ Горскому изданы въ Приб къ Тв свв Отцовъ, кн 29 и 30.

[4]) *Преосв Сава*, II, 561 (Письмо митрополита къ А. В-чу 1861 г)

[5]) На запросъ гр Протасова, какой награды заслуживаетъ профессоръ Горскій, Филаретъ писалъ 14 апр 1854 г „Положеніе сего профессора въ службѣ есть особенное. Служитъ онъ при академіи двадцать лѣтъ.

щедрый на заслуженныя похвалы и очень строгій къ проступкамъ подчиненныхъ, рѣдко, гораздо рѣже чѣмъ другимъ,

---

Еслибы онъ при началѣ сего поприща вступилъ въ духовное званіе: безъ сомнѣнія онъ уже неоднократно былъ бы удостоенъ свойственнаго сему званію возвышенія въ санѣ и знаковъ отличія Подобнымъ образомъ и вступивъ въ свѣтское званіе, онъ имѣлъ бы повышеніе въ чинахъ и, вѣроятно, былъ бы удостоенъ знака отличія. Но онъ не вступилъ въ свѣтское званіе, потому что имѣетъ болѣе расположенія къ духовному; не вступилъ и въ духовное, въ которомъ по закону послушанія вѣроятно былъ бы долженъ подчиниться перемѣнѣ и мѣста службы и рода занятій, а остался только наставникомъ, дабы постоянно заниматься избранною имъ наукою, исторіею, въ которой и достигъ такихъ успѣховъ и извѣстности, что нѣкоторыя ученыя общества, безъ его исканія, избрали его въ свои члены Такое положеніе проф Горскаго, по моему мнѣнію, достойно особеннаго вниманія, потому что онъ жертвовалъ обыкновенною надеждою внѣшнихъ преимуществъ любви къ наукѣ Полагаю справедливымъ, чтобы проф Горскій представленъ былъ къ награжденію орденомъ св. Владиміра четвертой степени, за соединенную съ пожертвованіемъ любовь къ наукѣ, за отличные въ ней успѣхи и за успѣшное въ ней руководство значительнаго числа студентовъ академіи, которые теперь уже служатъ наставниками (*Собр мн и отзыв* Т дополн 330—331 стр.). Въ 1860 г. (15 дек) Филаретъ пишетъ гр Толстому о кандидатахъ на ректорскую должность въ академіи и между прочимъ объ А. В-чѣ „При несомнѣнномъ достоинствѣ вообще, онъ обладаетъ по исторіи и древностямъ церковнымъ свѣдѣніями, которыя присоединили его къ числу извѣстныхъ ученыхъ Но онъ какъ съ начала своего служенія при академіи, по чистой любви къ наукѣ, принялъ намѣренія держаться одного мѣста и однихъ занятій, почему и въ духовное званіе долго не вступалъ, такъ и нынѣ остается при томъ же расположеніи И нельзя не взять во вниманіе, что теперь долголѣтно пріобрѣтенныя имъ познанія прямо, свободно, вполнѣ идутъ въ употребленіе и пользу, а въ случаѣ перехода его на новую каѳедру, они были бы менѣе употребительны и потребовали бы новый усиленный трудъ для новаго предмета“ (*Тамъ же*, IV, 573—574) —Въ письмѣ къ Ахматову о награжденіи А В-ча митрой (1862 г, 26 ноября) говорится: „Московской духовной академіи ректоръ протоіерей А Горскій доведенъ до сей должности тридцатилѣтнею службою, назидая образующееся юношество здравымъ ученіемъ и добрымъ примѣромъ Его сочиненія доставили ему почетную извѣстность далѣе круга духовнаго вѣдомства Нѣсколько архіереевъ суть его прежніе ученики Посему согласно съ справедливостью онъ можетъ быть украшенъ однимъ изъ высшихъ для бѣлаго духовенства отличій—митрою“ (V, 354—355) Немного раньше, предъ выборомъ А В-ча въ ректора (26 сентября 1862 г.) Филаретъ писалъ тому же оберъ-прокурору „Ректоромъ академіи могъ бы назначенъ быть профессоръ прот А Горскій, достойный его по учености, долговременной службѣ и нравственному достоинству. Не будучи монахомъ, онъ такъ же какъ монахъ, всего себя посвящаетъ

дѣлалъ выговоры А. В-чу [1]),—и это отъ того, что не было болѣе послушнаго и исполнительнаго человѣка въ академіи, какъ проф. Горскій. Вѣря не только въ его познанія въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ, но и въ духовное направленіе образа мыслей, Филаретъ довѣряетъ ему такое важное и небезопасное для церкви съ его точки зрѣнія дѣло, какъ описаніе Синодальной библіотеки

Но едвали митр. Филаретъ былъ привязанъ къ А. В-чу сердцемъ, по крайней мѣрѣ онъ не могъ простить ему одного обстоятельства—именно отказа отъ монашества, того единственнаго пункта, гдѣ властный характеръ святителя сталкивался съ пассивнымъ противодѣйствіемъ ученаго Не смотря на то, что митрополитъ хорошо зналъ и уважалъ мотивы отказа, онъ хотѣлъ настоять на своемъ. Поставивъ А. В-ча ректоромъ, Филаретъ послалъ ему письмо. Въ печати оно занимаетъ восемь неполныхъ строкъ, а въ немъ три раза повторено слово „послушаніе“ [2]). Скоро чрезъ другихъ А. В-чу было предложено принять монашество. Тотъ поколебался въ своемъ отказѣ, обратился къ евангелію и ему открылся текстъ, поддержавшій его прежнее рѣшеніе: „аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга“. Велѣніе Божіе онъ предпочелъ волѣ святителя. Потомъ случилось, что въ ректорство А В-ча (въ 1866 г.) кончили курсъ два вдовыхъ священника и не постриглись въ монахи. Митр. Филаретъ усмотрѣлъ въ этомъ и несправедливо антимонашеское вліяніе новаго ректора и сталъ даже раскаиваться въ назначеніи А. В-ча. Въ 1866 г., Филаретъ, получивъ отъ св. Синода распоряженіе ревизовать академію, поручилъ произвести ревизію преосв. Саввѣ во время экзаменовъ. Возвратившись съ экзаменовъ тотъ донесъ между прочимъ, что студенты неудовлетворительно отвѣчали по догматикѣ, которую читалъ А. В.,—не было подходящаго руководства для подготовки. Филаретъ и

духовной учености, и исполненію академическихъ обязанностей, не развлекаясь ничѣмъ постороннимъ“ *(Тамъ же,* V, 323—324) См. въ томъ же изданіи II, 418, Т. дополн 118

[1]) Извѣстно одно суровое письмо митр. Филарета къ А. В-чу Приб къ Тв св Отцовъ, кн 29, 543—544.

[2]) *Приб къ Твор св От* ч 29, стр 551

самъ былъ потомъ въ академіи на публичномъ экзаменѣ и слушалъ отвѣты по догматическому богословію, но заставилъ преосв. Савву изложить свои сужденія на бумагѣ и его отчетъ вмѣстѣ съ своими нелестными для Горскаго замѣчаніями послалъ въ св. Синодъ. Тамъ были изумлены отзывомъ митр. Филарета о Московской академіи, которую онъ въ прежніе годы всегда превозносилъ. Послѣ этого было предложено сдѣлать строгій выговоръ протоіерею Горскому, но затѣмъ ограничились только внушеніемъ относительно преподаванія догматическаго богословія. Вотъ фактъ, характерный для отношеній Филарета къ А. В-чу, недавно опубликованный въ автобіографическихъ запискахъ преосв. Саввы [1]). Разсказываютъ, что это не единственный случай въ такомъ родѣ.

Въ связи съ близостью А. В. Горскаго къ митр. Филарету стоитъ то обстоятельство, что ему много пришлось работать по порученіямъ особенно со стороны Филарета. Довѣряя академической наукѣ, тогда охотно заваливали порученіями наиболѣе выдающихся людей въ академіяхъ. Но иногда эти порученія науки не касались совершенно или касались мало. И вотъ А. В. то участвуетъ въ переводѣ священнаго Писанія на русскій языкъ, то составляетъ историческое описаніе Троицкой лавры, то разбираетъ одинъ запущенный архивъ, пишетъ замѣчанія на проектъ университетскихъ уставовъ, о синайскомъ кодексѣ противъ Порфирія Успенскаго, наводитъ научныя справки и пишетъ изслѣдованіе по щекотливому вопросу о монашествѣ епископовъ. Въ 1860 г. А. В. былъ посланъ въ Петербургъ для работъ въ комитетѣ по преобразованію духовныхъ училищъ и когда отказывался ѣхать и указывалъ на В. Д. Кудрявцева, митрополитъ замѣтилъ: „онъ молодъ; тебя можетъ быть лучше послушаются“. Въ 1869 г. ужъ по порученію митр. Иннокентія А. В. снова былъ въ Петербургѣ на юбилеѣ университета и жалѣлъ, что „приходится бездѣльничать“. Митр. Филаретъ шлетъ къ нему свою рѣчь о митр. Алексіѣ, чтобы тотъ просмотрѣлъ ее въ исторической части. Во время законодательныхъ работъ о земскихъ учрежденіяхъ у Филарета спросили его мнѣнія, а онъ поручаетъ проф. Горскому навести справки о земскихъ соборахъ въ древней Руси. Знаменитый свяги-

[1]) III т. 370—375 и прим.

тель обращался къ А. В-чу и въ важныхъ и въ неважныхъ случаяхъ своихъ недоумѣній. Т. И. Филиповъ свидѣтельствуетъ, какъ объ обстоятельствѣ хорошо ему извѣстномъ, что во многихъ важнѣйшихъ вопросахъ церковнаго управленія, въ которыхъ св. Синодъ требовалъ отъ московскаго владыки совѣта, онъ самъ искалъ совѣта и ученыхъ указаній А. В Горскаго и въ нихъ находилъ твердую наукообразную опору для своихъ правительственныхъ соображеній. Но разъ митрополиту захотѣлось знать—„какія наиболѣе знаменитыя лица между архіереями были у насъ изъ причетниковъ“ и А В-чу пришлось разыскивать такихъ архіереевъ Пробившись долго за скучнымъ и безплоднымъ дѣломъ разборки архива, онъ возропталъ, потому что былъ отвлеченъ отъ собственныхъ плановъ и предначертаній, но потомъ раскаялся и упрекаетъ „свою мятежную волю и кичливый разумъ“ за противорѣчіе обязанностямъ, сколько бы ни казались эти послѣднія ниже первыхъ. Но порученія научнаго характера увлекали А. В-ча и онъ исполнялъ ихъ съ образцовой тщательностью. Значительная часть его печатныхъ трудовъ возникла благодаря порученіямъ. Не забудемъ и того, что Описаніе рукописей Синодальной библіотеки онъ составлялъ по порученію митр Филарета

V.

Ученые труды.

Лекціи А В Горскаго отличались новостью матеріала, строгостью метода и окрашивались оттѣнкомъ религіознаго одушевленія· мѣстами онѣ приближались къ произведеніямъ церковнаго краснорѣчія. Его лекціи въ первые двадцать лѣтъ профессорства нравились слушателямъ, особенно чтенія по евангельской исторіи Нѣкоторые изъ его учениковъ и послѣ окончанія академіи хранили свои записки и читали, чтобы „возбудить и разогрѣть религіозное чувство“ [1]) Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ пришло другое время, явились новыя требованія, а А В. оставался при прежнихъ

---

[1]) *Преосв Сава*, I, 386 Лекціи Горскаго по евангельской исторіи изданы въ Приб къ Тв свв. Отцовъ, кн 36, 37 и 38

пріемахъ лекторства. И съ этого времени въ его аудиторіи никогда не было тѣсно,—не потому только, что наши аудиторіи вообще „слишкомъ просторны", а еще и отъ того, что въ его лекціяхъ видѣли „элементъ слащавости и недостатокъ критики" [1]). Да, видѣли недостатокъ критики у Горскаго, у котораго научному методу учатся ученые. Одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ сознавался, что къ лекціямъ А В-ча относились „легкомысленно". Не смотря на громкій голосъ лектора, который еще усиливался въ наиболѣе одушевленныхъ мѣстахъ, ухитрялись его не слушать, занимаясь своей работой, газетой или романомъ. На репетиціи, которую онъ разъ задумалъ произвести, самый исправный и внимательный его слушатель почти ничего не отвѣтилъ. Это огорчало впечатлительнаго А В-ча. Онъ предлагалъ слушателямъ останавливать его вопросами, или класть записочку съ вопросомъ въ каѳедру Но вопросовъ не послѣдовало. А между тѣмъ было что послушать въ лекціяхъ проф. Горскаго.

Проф А. П. Лебедевъ изучалъ рукописные курсы и конспекты А. В-ча по исторіи древней церкви, которую тотъ читалъ дольше другихъ наукъ, и пришолъ къ слѣдующимъ сужденіямъ о Горскомъ, какъ церковномъ историкѣ. Онъ не имѣетъ у насъ предшественниковъ, если не считать составителей учебниковъ. А. В. первый на Руси ученый въ этой важной наукѣ. Методъ его работы вполнѣ научный. Онъ былъ убѣжденъ, что церковная исторія какъ наука подлежитъ общимъ законамъ исторической истины и должна пользоваться одними достовѣрными источниками Но церковная исторія—не сборникъ только фактовъ мертвыхъ и сухихъ, она наука, которая собирая ихъ должна проникать во внутреннюю ихъ связь, извлекать идеи факта изъ самаго факта. Каждый отдѣлъ церковной жизни въ извѣстную эпоху долженъ излагаться такимъ образомъ, чтобы данныя раскрывались во внутренней связи между собой, такъ чтобы цѣлое представляло собою по возможности одно живое органическое развитіе началъ, находившихся внутри обозрѣваемой части церковной жизни Слѣдовательно, Горскій былъ серьезный историкъ по своимъ научнымъ планамъ. На свой предметъ онъ держался самаго возвышеннаго взгляда:—цер-

---

[1]) *Гиляровъ-Платоновъ* Изъ пережитого, стр 341

ковная исторія представляетъ Бога въ самомъ ближайшемъ отношеніи къ человѣчеству. Въ частности главнѣйшія стороны церковно-исторической жизни ученый разсматриваетъ, какъ обнаруженіе христіанской жизни подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ св. Троицы: обнаруженіе каждаго Лица въ извѣстной группѣ фактовъ, составляющихъ въ общемъ все содержаніе науки церковной исторіи. Въ распространеніи христіанства, твердости мучениковъ во время гоненій, апологетической дѣятельности церкви, направленной ко вразумленію язычества, не хотѣвшаго признать величіе христіанства, Горскій примѣчалъ вліяніе Перваго Лица св. Троицы, призывающаго человѣчество въ нѣдра церкви. Другія группы церковно-историческихъ явленій, касающихся внутренняго развитія и благоустройства церкви, А. В. поставляетъ подъ особенное дѣйствіе Второго Лица св. Троицы, Сына Божія, Христа. Сюда относитъ онъ исторію церковнаго ученія, богослуженія и іерархіи Область Духа Святого въ исторіи церкви, по воззрѣнію ученаго, состоитъ въ направленіи всей жизни христіанской къ практическому осуществленію идеала добра и истины. Подъ особеннымъ Его водительствомъ находятся учрежденія, касающіяся жизни христіанской, напр. монашество Эта богословская метафизика являлась слѣдствіемъ высокой религіозности А В-ча. Но она ровно ничему не мѣшала: не превращала его курса въ благочестивыя размышленія. Мы видѣли, что Горскій признавалъ „развитіе догматики“. Къ западной наукѣ онъ относился съ уваженіемъ, но самостоятельно „Знакомство съ современными мнѣніями нѣмецкихъ ученыхъ (по священному писанію), хотя часто совершенно ложными, представляется необходимымъ для академическаго преподавателя“, заявлялъ А. В. въ одномъ докладѣ митр Филарету [1]). Здѣсь онъ совѣтовалъ слѣдовать апостольскому правилу: „вся искушающе, добрая держите“,—„искушающе“, объясняетъ онъ, „т е. обращаясь къ первоначальнымъ источникамъ“. При своей религіозности А. В отличался очень широкимъ научнымъ кругозоромъ съ первыхъ лѣтъ профессорства. Въ письмахъ къ Филарету Гумилевскому онъ сравниваетъ два пути—два метода богословской науки: *путь всеиспытанія и путь всевѣрія*. Первый признаетъ своимъ пу-

---

[1]) *Преосв Савва*, II, 575

темъ, а въ пути всевѣрія (вѣры во всѣ преданія) онъ не видитъ совершеннаго единства. Филаретъ, еще ранѣе по одной проповѣди А. В-ча почувствовавшій въ немъ духъ, чуждый церкви, вліяніе раціоналистическаго болота, или крѣпко запущенныя когти нѣмецкаго волка, совѣтуетъ ему *слѣпо* держаться преданій церкви и перемѣнить методъ: вмѣсто анализа, который у него господствовалъ, взять синтезъ, т е не отъ своихъ мыслей доходить до божественной истины, а наоборотъ—отъ божественной истины и преданій нисходить къ своимъ мыслямъ [1]) Но напрасно опасался Филаретъ за православіе своего ученаго друга. Онъ держалъ доброе „искушающе". Изъ западныхъ историковъ Горскій больше всѣхъ цѣнилъ Неандера, любилъ его и изучалъ и вліяніе этого ученаго сказалось на лекціяхъ А В-ча Но здѣсь не было рабскаго слѣдованія, потому что Горскій былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древней христіанской и византійской письменности, былъ полнымъ хозяиномъ предмета Въ иныхъ случаяхъ онъ является апологетомъ христианской истины и дорогихъ ему вѣрованій противъ протестанскихъ ученыхъ, напр. противъ Баура, защищаетъ лицо Константина Великаго. Тѣ вопросы, которые рѣшаются въ наукѣ не одинаково, А. В. подвергаетъ всесторонней и безпристрастной критикѣ, иногда, изложивъ разные взгляды, предлагаетъ слушателямъ самимъ выбирать между ними, приведя только соображенія—за и противъ, иногда самъ рѣшаетъ затрудненія. Наука церковной исторіи очень обширна и А В. долженъ былъ выбирать для лекцій только нѣкоторыя изъ нея части. Выбиралъ онъ самое существенное и главное и выбранное обработывалъ съ тщательностью и трудолюбіемъ. Несомнѣнно А. В. былъ способенъ къ прагматизму, къ построенію системы науки. Но въ своихъ трудахъ онъ принадлежалъ къ историкамъ объективнаго направленія, старался какъ можно тщательнѣе изложить факты, не давая своего истолкованія и объясненія. Проф. Лебедевъ объясняетъ это тѣмъ, что А. В. сознавалъ преждевременность построеній науки исторіи церкви на Руси, а заимствовать готовыя системы у западныхъ ученыхъ онъ, какъ православный ученый, не могъ. Но мнѣ кажется, на это повліяли и другія, внѣшнія для науки, обстоятельства (см. выше). Очень по-

[1]) *Душепол Чтеніе*, 1896 г , 3, 322—25, 440—43

учительны тѣ требованія, какія предъявлялъ профессоръ къ своимъ слушателямъ Онъ желалъ, 1) чтобы учащійся зналъ сущность науки, 2) источники, изъ которыхъ должно почерпать свѣдѣнія, и 3) правильный методъ. Съ этимъ нельзя не согласиться и прибавить къ этому нечего [1]).

Не менѣе, а можетъ быть болѣе, чѣмъ для исторіи древней церкви, А. В. сдѣлалъ для молодой тогда науки исторіи русской церкви. Заслуга его здѣсь также не оцѣнена и курсы лекцій лежатъ въ рукописяхъ въ нашей библіотекѣ и въ одной изъ библіотекъ Румянцевскаго музея [2]) Съ ними ознакомился нашъ извѣстный ученый покойный Н С. Тихонравовъ и мы приведемъ нѣкоторыя его замѣчанія объ этихъ курсахъ Горскаго [3]). Когда А В. начиналъ свои чтенія, живой интересъ возбудила въ литературѣ книга Полевого „Исторія русскаго народа“ Видимо она увлекала молодого профессора и въ первомъ его курсѣ встрѣчаются постоянныя ссылки на Полевого. Но Горскій былъ скоро въ силахъ оцѣнить поспѣшные выводы этого автора. Помогло этому вліяніе Филарета Гумилевскаго сначала инспектора (съ 1833 г) потомъ ректора (1835—1841 гг) нашей академіи: онъ возбудилъ въ А В-чѣ интересъ къ изученію рукописей академіи и Троицкой лавры, поставилъ его на самостоятельную дорогу. Задача курса А. В-ча была широка и трудна Онъ слѣдитъ за постепеннымъ раскрытіемъ христіанскаго ученія: „какъ ученіе прежде распространялось, какъ прилагалось къ уму, какъ раскрывалось и въ чемъ обнаруживало свое дѣйствіе“. Онъ прямо обращается къ внутренней исторіи русской церкви, когда и внѣшняя то ея исторія была далеко не разработана. Чтобы рѣшить этотъ сложный вопросъ, ученый сосредоточиваетъ свое вниманіе на проводникѣ христіанскихъ идей въ языческую массу русскаго славянства — на литературѣ и проповѣди. Но проповѣдь и въ Византіи того времени была слишкомъ искусственна, переводная литература

---

[1]) При составленіи этого отдѣла мы пользовались главнымъ образомъ статьей *проф А П Лебедева* „Церковный историкъ А В Горскій“, составляющей 555—579 стр его книги „Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го вѣка по XX“ Москва. 1898

[2]) Именно среди рукописей Ундольскаго, *Описанія* стр 179

[3]) Изъ литографированнаго курса $18^{81}/_{82}$ ак года стр 117—134, любезно предоставленнаго намъ И М Громогласовымъ

недоступна; истинной драгоцѣнностью оставался одинъ переводъ св. Писанія. При этомъ единственномъ проводникѣ Христовой истины въ народъ ея усвоеніе было слабо не только въ до-монгольскій періодъ, но и позднѣе Недостатокъ просвѣщенія на Руси вызвалъ въ церкви расколъ Объясняя исторію раскола, ученый умѣетъ сохранить историческую правду во всей чистотѣ, не поступаясь ею для предвзятыхъ воззрѣній Онъ осторожный историкъ; онъ комментируетъ историческій фактъ, а не обличаетъ старообрядцевъ и сожалѣетъ, что въ полемикѣ „на помощь истинѣ призывается явный подлогъ". Въ древнихъ памятникахъ церковной литературы А. В указывалъ слѣды двойного аллилуія и двуперстія. Древнее свидѣтельство о двоеперстіи—открытіе А. В. Горскаго, которымъ только воспользовался не А В .. Съ другой стороны въ никоновскомъ исправленіи книгъ онъ находилъ недостатки— утрату смысла при близости перевода. Въ угоду полемическимъ цѣлямъ онъ не прибѣгалъ къ софистикѣ Филаретъ напр. старался доказать, что Стоглавъ не имѣлъ юридическаго значенія; А. В отвергаетъ это антиисторическое мнѣніе.

Главное достоинство его историческимъ монографіямъ, которыя изданы, придаетъ то обстоятельство, что авторъ работалъ по рукописнымъ источникамъ и руководился научнымъ методомъ, который имъ усвоенъ у западныхъ ученыхъ. Изученіе русской церковной исторіи опиралось у А. В-на къ томуже на широкое и близкое знакомство съ исторіей древней и византійской церкви, на знакомство съ источниками этой науки. Если отечественные памятники не представляли ему указанія на отдаленные факты церковной исторіи, онъ обращается къ церкви Константинопольской и тамъ находитъ объясненіе. Памятники русскіе наоборотъ объясняли ему темные вопросы въ исторіи Константинопольскаго патріархата. Такимъ методомъ сравнительнаго изученія для русской церковной исторіи воспользовался достойный ученикъ Горскаго Е Е Голубинскій. При своихъ работахъ А. В. пользовался цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ наукъ. Вотъ почему его работы носятъ печать рѣдкой самостоятельности и, если можно такъ сказать, долговѣчности въ наукѣ. Многіе его статьи по русской церковной исторіи были открытіями великой важности. Кромѣ паннонскихъ житій назовемъ: открытіе свидѣтельства о походѣ руссовъ на Ама-

стриду, доказательство подлинности посланія митр. Леонтія „объ опрѣснокахъ“, которое Карамзинъ относилъ къ концу XIV в., знаменитое слово митр. Иларіона. Горскій открылъ посланіе къ Василію, архимандриту печерскому XII стол., письмо „о нелюбкахъ“ между заволжцами и іосифлянами Превосходно изданы и изучены имъ древнія слова на четыредесятницу Эти открытія, говоритъ Тихонравовъ, не были случайными находками—„это критическое завоеваніе великой ученой силы“ И остальныя статьи А. В-ча какъ основанныя на рукописныхъ данныхъ, всесторонне изученныхъ и осторожно подобранныхъ, являлись въ свое время открытіями и признаются образцовыми до сихъ поръ, напримѣръ его біографіи древнихъ московскихъ митрополитовъ, писанныя по порученію митр Филарета, его статья о сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII стол. [1]). Русская церковная исторія составляла для А В-ча, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, „главный предметъ изученія — по обязанности и по любви.“ Но, какъ сказано выше, эта наука была тогда очень молода и А В сознавалъ, что время построенія научной системы для нея еще не наступило. „Не знаю, пишетъ онъ разъ Погодину, выйдетъ ли что-нибудь цѣлое изъ моихъ замѣчаній. Нужно еще болѣе знакомства съ древними нашими церковными памятниками, — съ исторіею церкви у другихъ славянскихъ племенъ, особенно южныхъ. Нужно дождаться изданія лѣтописей. Нынѣ время, кажется, собранія и разработки матеріаловъ, а не составленія исторій. Пусть пишутъ, кому хочется писать поскорѣе. Слышно, что авторъ Русской Церковной Исторіи (А Н. Муравьевъ) занимается новымъ, болѣе обширнымъ сочиненіемъ по этому предмету. Счастливаго успѣха! Но скороспѣлыя произведенія если гдѣ, то всего болѣе въ исторіи, непрочны“ Въ то время, когда готовилась къ выходу въ свѣтъ Исторія Филарета, А. В занимался жизнеописаніями московскихъ митрополитовъ, стараясь установить точно факты и истинное значеніе каждаго изъ нихъ „Вотъ цѣль,

---

[1]) Перечень сочиненій А В-ча см въ Исторіи Моск дух. Ак *С. К. Смирнова*, стр 124—127 и въ кн. *С. Г. Попова*, 166 стр Но въ этотъ перечень не вошло нѣсколько поученій А В Горскаго, изданныхъ въ Богословскомъ Вѣстникѣ

говоритъ онъ, къ которой стремлюсь въ своихъ разысканіяхъ, не пускаясь въ общія обозрѣнія, которыя должны опредѣлиться сами собою по окончаніи предварительной работы". Всякое открытіе русскихъ источниковъ одушевляло А В-ча. „Радуюсь отъ всей души вашимъ открытіямъ, обращается онъ къ Погодину Дорожу каждой строкою оныхъ, Видно, въ нѣдрахъ земли русской хранится не одинъ самородокъ золота Я здѣсь перечитываю, пересматриваю свои лаврскія рукописи".. Далѣе идетъ прекрасное разсужденіе о древнерусскихъ поученіяхъ. Послѣ открытія Филаретомъ Гумилевскимъ словъ Серапіона Владимирскаго (XIII ст) Горскій писалъ Погодину. „Слова святыхъ, какъ мощи, въ свое время являются и чрезъ избранныхъ людей являются" [1]).

Свои занятія рукописями А. В. началъ въ академической и лаврской библіотекахъ Но всего больше сдѣлалъ онъ открытій для русской и славянской исторіи въ Московской Синодальной библіотекѣ, надъ описаніемъ которой работалъ въ продолженіе 13 лѣтъ (съ 1849 по 1862 г.) Московская Синодальная библіотека едва ли не самое лучшее рукописное собраніе на Руси и едва ли не самое драгоцѣнное,—если не по количеству рукописей (кромѣ грамотъ и т. п около 1430), то по крайней мѣрѣ по древности и по рѣдкости многихъ изъ нихъ. Около трети рукописей—греческія [2]). Это собраніе—*историческая библіотека*, а не книгохранилище, составленное въ новое время болѣе или менѣе случайно по мѣрѣ находокъ и покупокъ. Синодальная библіотека, очень древняя по началу, составлялась до нѣкоторой степени систематически: въ нее, какъ и во многія монастырскія библіотеки древности, собиралось все, что было нужно для церковнаго обихода и для полнаго христіанскаго просвѣщенія Что нельзя было пріобрѣсти въ собственность, то списывалось, что не было переведено, переводилось; въ

---

[1]) *Барсуковъ*, VII. 65, X, 165, VII, 177—178. 169

[2]) Во время Горскаго и Невоструева славянскихъ рукописей въ библіотекѣ было 1008, теперь ихъ 1167 Кромѣ того съ 1898 г въ Синодальную библіотеку поступило 366 рукописей изъ Чудова монастыря,—онѣ имѣютъ свой особый каталогъ и составляютъ отдѣльное собраніе — Эти справки любезно намъ доставлены г. библіотекаремъ Московской Синодальной библіотеки Н П Поповымъ, которому приносимъ свою благодарность

виду имѣлась полнота собранія. Первое начало этому собранію было положено вѣроятно древними московскими митрополитами. Новгородъ, Псковъ и разные монастыри, безъ всякаго сомнѣнія, внесли также въ ея составъ много рукописей. Главнымъ же образомъ она обогатилась въ періодъ патріаршества, въ эпоху книжнаго исправленія и въ связи съ этимъ дѣломъ. Около 200 рукописей, вывезенныхъ съ востока, при патр. Никонѣ Арсеніемъ Сухановымъ попали сюда. Сюда же попали рукописи и книги послѣ частныхъ лицъ, извѣстныхъ своею книжностью или образованностью: послѣ митрополита сарскаго Павла, Сильвестра Медвѣдева, патріарха Іоакима, ученаго монаха Евѳимія и св. Димитрія ростовскаго. Много рукописей было прислано изъ разныхъ книгохранилищъ по двумъ императорскимъ указамъ—Петра I и Екатерины II. Синодальная библіотека никогда не терпѣла значительныхъ утратъ отъ пожаровъ и войнъ [1]).

Раньше стали описываться греческія рукописи библіотеки иностранными учеными (Скіадою, проф. Маттеи). Главнѣйшее богатство—рукописи славяно-русскія были почти недоступны. Попытки описать ихъ возникли съ начала нынѣшняго столѣтія—Калайдовичемъ (въ 1825 г.), Ундольскимъ (въ 1847 г.). Но эти не выполненныя работы были предприняты не по тому широкому плану, какъ впослѣдствіи описывалъ А. В. съ своимъ сотрудникомъ Ужъ во время работъ его (въ 1858 г.) архим. Савва (впослѣдствіи архіеп. тверской) не безъ помощи А. В-ча составилъ указатель ко всей библіотекѣ. Но это только указатель рукописей, а не описаніе ихъ. Мысль о порученіи описи Синодальной библіотеки А. В. Горскому принадлежитъ митр Филарету, который былъ встревоженъ намѣреніемъ свѣтскихъ писателей (Ундольскаго и Погодина) напечатать описаніе библіотеки, а также жалобами на ея недоступность. „Свѣтскіе писатели, пишетъ митрополитъ въ донесеніи св. Синоду, уже напечатали обвиненіе въ томъ, что Синодальная библіотека недовольно извѣстна и не довольно открыта“ Но Филаретъ держался своего взгляда на драгоцѣнное книгохранилище „Невѣрное или неосмотрительное

---

[1]) Свѣдѣнія о Синодальной Библіотекѣ см въ I т 1 пол „Исторіографіи“ проф Иконникова и въ многочисленныхъ отзывахъ объ Описаніи Горскаго и Невоструева

употребленіе древнихъ рукописей, относящихся до церковныхъ догматовъ, церковнаго законодательства, ученія и церковной исторіи можетъ произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ Посему для всякаго приходящаго отворять дверь въ церковную библіотеку не такъ удобно, какъ въ свѣтскую". Поэтому, описаніе „должно быть составляемо подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства, людьми, свѣдущими въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ". Къ тому же церковный взглядъ откроетъ и внесетъ новыя черты, полезныя для церковной учености Филаретъ искалъ между прочимъ въ древнихъ рукописяхъ данныхъ для обличенія „неправыхъ мнѣній, разномыслящихъ съ православною церковію". И это важное дѣло святитель поручаетъ А. В. Горскому Когда выразилъ свое желаніе описывать синодальныя рукописи Ундольскій, Филаретъ сдѣлалъ объ А. В-чѣ такой отзывъ: „познанія, опытность и духовное направленіе образа мыслей проф Горскаго располагаютъ меня нимало не колебаться во мнѣніи, мною представленномъ" [1]). Свою волю митрополитъ высказалъ въ письмѣ тогдашнему ректору академіи Алексію Ржаницыну (въ маѣ 1849 года). Предложеніе застало А В-ча уже во всеоружіи учености, подготовленнымъ къ работѣ такого рода. Посовѣтовавшись съ ректоромъ, онъ взялся выполнять порученіе. А. В-чу предоставлено было право выбрать себѣ сотрудника и онъ выбралъ Капитона Ивановича Невоструева, профессора симбирской семинаріи по священному писанію, магистра XII курса нашей академіи [2]). Невоструевъ отказывался первоначально своею неподготовленностью къ работѣ и слабостью зрѣнія. А. В. его убѣдилъ. Они выработали пріемы описанія, руководясь главнымъ образомъ методомъ Востокова, и начали занятія въ сентябрѣ 1849 г. Невоструевъ жилъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ, А. В. въ посадѣ. Главная работа лежала на Невоструевѣ, который имѣлъ у себя помощниками двоихъ писцовъ. А. В-чу принадлежала высшая научная цензура надъ изысканіями чудовскаго труженика.

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ митр Филарета, Т. дополн., 277—285

[2]) О К И Невоструевѣ см. *Прав Обозр* 1873 г Ш, № 4 194—197 *Свящ А. Баратынскаго*, Памяти К. И. Невоструева; *И И. Срезневскаго*, К. И. Невоструевъ, *Зап Ак Н*; въ *Исторіи Академіи*, въ Запискахъ *преосв. Саввы.*

При изданіи Горскій прочитывалъ вторую корректуру. Которому изъ двухъ ученыхъ пришлось болѣе потрудиться въ этомъ дѣлѣ—вопросъ трудный и спорный. Одни приписывали весь трудъ Горскому, а на Невоструева смотрѣли какъ на чернорабочаго; другіе держались мысли, что Горскій только слегка обдѣлывалъ, очищалъ написанное Невоструевымъ. Изученіе черновыхъ тетрадей описанія, что и сдѣлалъ Н. С. Тихонравовъ, показываетъ несправедливость обоихъ сужденій [1]). Сначала Невоструевъ былъ не подготовленъ къ спеціальной работѣ описанія рукописей и Горскому приходилось показывать ему элементы, азбуку. Толстыя тетради, исписанныя въ Чудовомъ монастырѣ, иногда зачеркивались крестомъ въ лаврѣ, покрывались крестиками, замѣтками, наставленіями, вопросами. Тетрадь переписывалась снова и снова исправлялась. Случалось иногда, что А. В. на основаніи своего глубокаго изученія лаврскихъ и академическихъ рукописей дѣлалъ догадку, не видя тѣхъ рукописей, которыя описывалъ Невоструевъ, и его догадка оправдывалась. Или же дѣлалось такъ, что работу начиналъ Горскій: онъ бралъ къ себѣ рукопись, прочитывалъ ее, дѣлалъ свои замѣтки и наблюденія и потомъ отсылалъ въ Москву для описанія. При описаніи было поставлено задачей составить не сухой перечень статей рукописей, но изложить „историческую судьбу тѣхъ литературныхъ произведеній, списки которыхъ попали въ Синодальную библіотеку“. Возникало множество вопросовъ, предъ которыми терялись въ Чудовомъ монастырѣ и останавливались въ лаврѣ. А. В. писалъ иногда Невоструеву: „подумаемъ, я еще не успѣлъ себѣ составить опредѣленнаго понятія объ этомъ предметѣ“ и Невоструевъ ждетъ, до чего додумается и докопается А. В. Нѣкоторые въ высшей степени важные отдѣлы Описанія составлены самимъ Горскимъ вмѣсто написаннаго Невоструевымъ. Онъ прислалъ въ посадъ толстую тетрадь съ выдержками изъ Іоанна, экзарха болгарскаго. А. В. хоронитъ ея содержаніе подъ длиннымъ крестомъ и пишетъ свою тетрадку, которую изъ деликатности пришиваетъ къ тетради Невоструева—это блестящее, обильное новыми выводами изслѣдо-

---

[1]) Пользуемся тѣмъ же литографированнымъ курсомъ покойнаго ученаго.

ваніе объ Іоаннѣ экзархѣ. Вообще А. В. обращался съ своимъ трудолюбивымъ но еще неопытнымъ сотрудникомъ деликатно и гуманно, не оскорбляя его самолюбія. И Горскій воспиталъ этого ученаго. И. И. Срезневскій, имѣвшій случай наблюдать за работами по описанію, отдавая должное трудамъ А. В-ча, говоритъ, „великія и достойны всякаго уваженія въ научномъ отношеніи были и замѣтки, замѣчанія и соображенія К. И. Невоструева“ [1]). Но онъ не сравнялся съ нашимъ ученымъ. Когда Невоструевъ самъ понавыкъ въ работѣ, онъ сталъ высказывать сужденія, несогласныя съ взглядами руководителя описанія. Выходили споры и неудовольствія. Невоструевъ тяготился опекой Горскаго. Но проходитъ время, онъ чувствуетъ нужду въ указаніяхъ А. В-ча и согласіе возстановляется. Когда А. В. сдѣлался ректоромъ (1862 г.) и отказался отъ труда по описанію, Невоструевъ остался хозяиномъ дѣла. Но здѣсь то онъ и почувствовалъ нужду въ опытномъ руководительствѣ. Послѣднюю часть описанія—5-ую Невоструевъ выпустилъ ужъ одинъ, но въ предисловіи замѣтилъ, что въ ея составленіи принималъ большое участіе и А. В. Горскій. Есть основаніе думать, что Невоструевъ, жившій въ Москвѣ при Синодальной библіотекѣ, зналъ ее хуже, чѣмъ Горскій [2]) Въ результатѣ получилось такое описаніе, какихъ, по заявленію ученыхъ рецензентовъ, немного и въ европейской литературѣ. „Это—сокровищница критически очищенныхъ фактовъ для исторіи языка какъ русскаго, такъ и южнославянскаго“; трудъ, „который составляетъ основу для изученія древней русской литературы“. Въ нашей литературѣ рядомъ съ нимъ можно было тогда поставить только Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, составленное Востоковымъ. Но трудъ двухъ ученыхъ былъ выше даже и востоковскаго Описанія, потому что Горскій превосходилъ Востокова глубиной и широтой богословскаго образованія, столь необходимаго для вѣрной оцѣнки памятниковъ древней русской литеретуры; превосходилъ знаніемъ византійской письменности, по отношенію къ которой наша русская стоитъ въ такой тѣсной зависимости. Вотъ отъ чего такъ плодотворенъ для науки этотъ трудъ. Помимо того, что здѣсь впервые поставлены и въ значитель-

---

[1]) Записки И. Ак. Наукъ, XIII т. 230 стр.

[2]) *Преосв. Савва*, III, 69 (1863 г.)

ной степени рѣшены такіе важные вопросы, какъ судьба кирилло-меѳодіевскаго перевода св Писанія, вопросъ о составѣ библіи въ древней Руси, — описатели сдѣлали нѣсколько открытій не только въ области славяно-русской литературы (о чемъ говорилось ранѣе), но и литературы византійской: нашли въ славянскомъ переводѣ произведенія греческой письменности, неизвѣстныя въ подлинникѣ. Таковы четыре слова Меѳодія Патарскаго, новая редакція христианской передѣлки сочиненія Эпиктета—Энхиридіонъ, Кормчій, духовно-нравственное сочиненіе Максима исповѣдника, древній греческій патерикъ, описанный патр. Фотіемъ, но неизвѣстный на греческомъ языкѣ

Появленіе въ печати „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки“ вызвало удивленіе ученаго общества. Академія наукъ присудила авторамъ полную Уваровскую премію. Имена Горскаго и Невоструева стали извѣсты заграничнымъ ученымъ Но потомство едва ли достаточно оцѣнило этотъ трудъ Въ изданныхъ пяти книгахъ описаны только 432 рукописи Тетради, приготовленныя къ печати, лежатъ безъ движенія и отчасти растеряны. Составленъ былъ, говорятъ, указатель къ Описанію, но до сихъ поръ онъ не увидѣлъ свѣта и повидимому затерянъ [1]).

VI.

Научное руководительство.

Въ дѣло науки и научнаго руководительства А В Горскій вноситъ нетолько силу своего громаднаго ума и безпримѣрнаго трудолюбія, но и нравственную чистоту своей личности Какъ великій святой не замѣчаетъ своей святости, такъ истинно великій ученый своей учености. смиреніе необходимый

---

[1]) Въ Синодальной библіотекѣ, какъ сообщаетъ намъ Н П Поповъ, имѣется цѣльный томъ Описанія, составленнаго Невоструевымъ на №№ 433—488, съ помѣтками карандашемъ частью Горскаго, частью кого-то другого Онъ былъ въ цензурѣ. цензорская подпись архим Михаила отъ 8 апрѣля 1863 г и при ней сургучная печать Это VI томъ Описанія, не увидавшій пока свѣта Указателя къ вышедшимъ пяти томамъ Описанія въ Синодальной библіотекѣ нѣтъ

признакъ и того и другого. И А В. владѣлъ этой рѣдкой для ученаго добродѣтелью. Своего авторитета онъ не навязывалъ никому. Онъ не шумѣлъ съ своими открытіями, которыхъ сдѣлалъ немало напримѣръ для исторіи русской церкви. Въ какомъ-нибудь журналѣ безъ подписи А. В. помѣститъ короткую и осторожную статью, поднимающую новый вопросъ, а полвѣка спустя ученые преемники съумѣютъ внести въ нее только мелкія поправки [1]).—Много терпѣнія, чисто отеческой заботливости и педагогическаго такта проявлялъ А. В., руководя своихъ учениковъ. Ему приходилось имѣть дѣло съ начинающими учеными, степень научной увѣренности которыхъ часто обратно пропорціональна размѣрамъ познаній, и онъ деликатно исправляетъ произведенія невѣжества, дѣлая видъ, что считается съ ученымъ мнѣніемъ, съ которымъ несогласенъ. Только послѣ этотъ человѣкъ пойметъ и оцѣнитъ степень снисходительности своего руководителя. А В. любилъ возбуждать научную самодѣятельность среди студентовъ, видя въ ней средство умственной и нравственной дисциплины студента, ожидая отъ нея большой пользы для отечественной науки. Ее онъ возбуждалъ то прямыми обращеніями, то косвенными мѣрами. Нерѣдко хаживалъ по студенческимъ нумерамъ, поднималъ современные церковные или научные вопросы и вызывалъ споры Вотъ нѣсколько строкъ изъ дневника покойнаго проф. А. П. Смирнова. „27 марта 1869 г. Говорили о предполагаемомъ Ватиканскомъ соборѣ. Папаша (такъ называли студенты А В-ча) высказалъ мысль о возможности въ церкви новыхъ догматовъ, разумѣется при санкціи ихъ вселенскимъ соборомъ. Кстати, когда онъ доказывалъ непогрѣшимость собора, мнѣ казалось это недостаточно доказательнымъ!.. Долго спорили“. Въ бумагахъ А В-ча отыскался

---

[1]) Сотрудничая въ Москвитянинѣ Погодина, А В поставилъ редактору условіемъ, чтобы тотъ никогда не открывалъ имени подъ его статьями даже въ инициалахъ „Одна изъ причинъ та, что мы духовные обязываемся прежде печатанія своихъ сочиненій просить на то благословенія епархіальныхъ преосвященныхъ (ср выше) Есть и другія Между тѣмъ для истины, которой Господь призвалъ служить, все равно, какая бы ни была подписана литера подъ статьею, писанною для объясненія ея“. „Дѣло въ дѣлѣ, пишетъ А В другой разъ, не въ имени того или другого пишущаго“. *Барсуковъ*, V, 351, VI 309, ср VII, 181, 207, XI, 222

клочекъ, на которомъ его рукою записано для памяти: „студенту Волкову указать на слова Евстафія противъ тѣхъ, которые признаютъ бездѣйствіе души по смерти". Это вѣроятно значитъ, что оппонентъ не сдавался и А. В-чу хотѣлось, какъ говорится, добить его словами Евстафія Никакого желанія навязать свое мнѣніе ученику у него не было. Онъ разъяснитъ тему, укажетъ и рѣшеніе вопроса, а студентъ придетъ какъ разъ къ противоположному Это не обижало руководителя нисколько, никогда не вліяло на оцѣнку. Удивительную терпимость и снисходительность онъ обнаруживалъ къ колебаніямъ и даже заблужденіямъ молодыхъ умовъ. Одинъ студентъ на экзаменѣ горячо защищалъ ученіе Кальвина о предопредѣленіи А. В старается навести его на правый взглядъ, но тотъ оставался непреклоннымъ, повторяя: „нѣтъ, очень основательно, очень основательно!" А В не возвелъ въ ересь можетъ быть вліяніе какой-нибудь нѣмецкой книги, а можетъ быть и простое незнаніе билета. Другой подалъ ему сочиненіе; А. В дѣлаетъ для себя такую отмѣтку о немъ. „Прости Господи грѣхъ невѣдѣнія! Совершенный атеизмъ невѣріе", а на самомъ сочиненіи поставилъ—3 Или вотъ замѣтка объ одной студенческой проповѣди въ тетради А В-ча. „Проповѣдь пустая, поспѣшно написана. Указываетъ на обиды „отъ начальствующихъ", говорится объ учрежденіи раздѣла имуществъ между всѣми по примѣру церкви іерусалимской —Сказывать не дозволено".—Еще бы?! Отъ такого радикализма А В не видѣлъ опасности ни для церкви ни для государства. Онъ считалъ его просто шалостью молодого ума, или недомыслемъ; надѣялся, что онъ пройдетъ съ годами, и не ошибался.

Получивъ темы по какому угодно предмету, студенты шли къ А В-чу за справками и книгами. Вотъ какъ описываетъ эти „хожденія къ ректору" одинъ изъ его учениковъ „Бывало, окруженный массою книгъ, размѣщенныхъ на столахъ, стульяхъ, на диванахъ и подъ столами, стульями, диванами, разставленными въ шкафахъ, этажеркахъ и даже на полу, постоянно занимающійся, А. В Горскій всегда принималъ студента, пришедшаго къ нему за совѣтомъ или пособіемъ, распрашивалъ о ходѣ его занятій, надѣлялъ нужными или полезными книгами тотчасъ или спустя нѣсколько часовъ, иногда нѣсколько дней Иногда онъ и самъ любопытствовалъ

пообстоятельнѣе разсмотритъ то дѣло, какимъ интересовался студентъ Иногда интересный вопросъ требовалъ многихъ справокъ по спеціальной литературѣ на разныхъ языкахъ; Горскій по разнымъ изданіямъ пересматривалъ все, относящееся къ дѣлу, а за собой велъ и любознательнаго студента“.. Случалось, что А. В. предлагаетъ молодому ученому рукописи или же изданія на невѣдомомъ языкѣ. Тотъ отказывается неподготовленностью, а руководитель рекомендуетъ ему поучиться тому да другому, приговаривая напримѣръ такъ: „вы не рѣшаетесь потрудиться прочитать этотъ памятникъ, уже обработанный другими, а чего стоило его обработать первоначально и такъ издать?“ Порою въ рекомендованныхъ книгахъ студентъ очень мало находилъ нужнаго и прочитавъ ихъ только усвоивалъ основательнѣе ихъ иностранный языкъ Но это былъ педагогическій пріемъ А В-ча Шутя онъ замѣчалъ студенту· „вотъ видите, какъ много и какъ легко пишутъ, а прочитать нечего,—не все заграничное дорого. Не получше ли сказано вотъ въ этой книжкѣ?“—Новая книжка къ утѣшенію студента дѣйствительно оказывалась уже годною для дѣла“. Студентовъ старшаго курса, пишущихъ курсовое (по нынѣшнему кандидатское) сочиненіе, А В. особенно усердно руководилъ и особенно заваливалъ работой. Вотъ нѣсколько строкъ изъ студенческаго дневника А П Смирнова Студента не рѣдко вызывали: „пожалуйте къ отцу ректору!“—Явившійся обыкновенно былъ встрѣчаемъ вопросомъ: „имѣли ли въ виду такого то и такого то автора?“ и уходилъ нагруженный книгами Еще не излишне отмѣтить любопытную черту А. В-ча Снабжая студента щедрою рукою всякаго рода пособіями для ученыхъ работъ, папаша былъ своего рода вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальнымъ скупцомъ. Желая заставить работающаго обозрѣть предметъ съ возможною полностью и съ различныхъ сторонъ, онъ заставлялъ студента читать толстыя книги, чтобы изъ нихъ воспользоваться для прямого дѣла пятью—десятью строками и часто тогда, когда студентъ кончалъ уже сочиненіе и близилось время представлять его,—присылалъ книгу самую нужную, самую главную въ рѣшеніи вопроса Но силы были утомлены, времени не хватало Не совсѣмъ нравилось намъ это, своего рода, ученое мучительство. И если А. В замѣчалъ въ студентѣ недовольство такой позд-

ней помощью,—онъ то съ благодушнѣйшей улыбкой, то съ напускной суровостью, говорилъ ему словами апостола: „да вѣдь вы еще не до крови сражались? Но за этими шутками, за этой дружественной простотой скрывалось совершенно сознательное стремленіе послужить родной наукѣ свѣжими научными силами. А. В. ставилъ молодую силу нерѣдко въ курсѣ науки, направлялъ ее къ разработкѣ новыхъ сторонъ. Въ одномъ письмѣ къ преосв. Саввѣ относительно двухъ литургійныхъ молитвъ, сдѣлавъ о нихъ справку, А. В замѣчаетъ, что онѣ не обслѣдованы по рукописнымъ источникамъ, что доселѣ занимались только вопросомъ о количествѣ просфоръ, а не составомъ литургійнаго чина, и прибавляетъ: „надобно будетъ дать объ этомъ задачу въ слѣдующемъ году для курсового сочиненія“ [1]). И дѣйствительно, А. В. умѣлъ воспитывать ученыхъ, очень много сдѣлавшихъ для русской исторической и филологической науки. Кому неизвѣстны имена ихъ?.

Было одно важное обстоятельство, которое поставило А. В-ча въ центрѣ научной жизни академіи: въ годы профессорства онъ 20 лѣтъ былъ библіотекаремъ (1842—1862). Наша богатая библіотека А. В-чу больше, чѣмъ кому-либо, обязана своимъ богатствомъ. Онъ былъ страстный библіоманъ. Ужъ не говоря о томъ, что онъ слѣдилъ за всѣмъ, что выходило по богословскимъ и историческимъ наукамъ на западѣ и у насъ, и все выписывалъ въ библіотеку, — онъ прочитывалъ большую часть поступавшихъ книгъ и испещрялъ ихъ поля своими замѣтками Кромѣ того ему обязана наша библіотека такими пріобрѣтеніями, какъ рѣдкія изданія, оставшіяся послѣ архіепископа тобольскаго Аѳанасія Протопопова, рукописи Волоколамскаго монастыря, дублеты старопечатныхъ книгъ изъ библіотеки Московской синодальной типографіи, старопечатныя книги и рукописи, отобранныя у раскольниковъ и переданныя въ академію изъ Московской Синодальной библіотеки и консисторіи [2]), наконецъ собственная библіотека А. В-ча, поступившая въ академію послѣ его смерти. А. В. былъ идеальный библіотекарь. Въ то время наша библіотека не имѣла ни печатныхъ каталоговъ ни подвижного

---

[1]) *Преосв Савва*, III, 68—69

[2]) Объ этомъ см у *Преосв Саввы*, II, 666—67, 670

и очень бѣдна была справочными пособіями Библіотекарь замѣнялъ эти пособія и каталоги, потому что зналъ книги не только по названію, но и по содержанію. Обязанность библіотекаря портитъ обычно его нервы и настроеніе, пріучаетъ смотрѣть какъ на враговъ на осаждающую его толпу и сообразно съ этимъ обращаться съ посѣтителями. А. В. былъ библіотекарь въ высшей степени благодушный и предупредительный. Онъ не отказывался идти за книгами и днемъ и ночью Разсказываютъ даже не въ видѣ анекдота, что въ вечернюю и ночную пору А. В. ходилъ въ библіотеку изъ предосторожности безъ огня и отыскивалъ нужныя книги ощупью. Свои библіотекарскія обязанности онъ понималъ нѣсколько широко Онъ не только подыскивалъ требуемыя книги, но и рекомендовалъ ихъ на темы по всѣмъ предметамъ: и больше того, что скажетъ и укажетъ студентамъ А. В, имъ не было и нужды искать и читать —Еслибы было позволено сравнить тогдашнюю учащуюся академію съ фабрикой, то безъ большого преувеличенія ея паровымъ двигателемъ надо признать А. В. Горскаго „Наука, эрудиція, трудъ надъ первоисточниками, новые шаги, требуемые въ разработкѣ знаній, не только мірскихъ но и духовныхъ· вотъ тонъ, который слышался и задавался“ поступившему тогда въ академію и задавался главнымъ образомъ А. В-чемъ [1]). Историческая постановка преподаванія богословскихъ наукъ въ Московской академіи есть дѣло преимущественно Горскаго. Въ тѣ годы, когда учился А. В, самымъ любимымъ предметомъ въ академіи была философія. „Философія здѣсь въ великомъ ходу, пишетъ изъ лавры Погодинъ Шевыреву въ 1830 г. Сблизился я съ нашею Троицкою академіею, въ которой множество людей первоклассныхъ. Вообрази, что тамъ переведено почти все изъ новой нѣмецкой философіи и Шеллингъ извѣстенъ тамъ такъ, какъ и въ голову не попадется какому-нибудь интригану Давыдову“ (—тогдашній профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ). Филаретъ Гумилевскій и А. В Горскій произвели переворотъ въ учебной постановкѣ академіи и на самое видное мѣсто поставили исторію церкви. Но вліяніе Филарета было не продолжительно— въ концѣ 1841 года его перевели изъ академіи—и главнымъ

[1]) *Гиляровъ-Платоновъ*, Изъ пережитого, 341—342

дѣятелемъ въ этомъ направленіи остался А. В. Проводникомъ новаго направленія богословской науки въ общество служилъ академическій журналъ „Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ“,—разрѣшенный къ изданію въ ректорство Филарета, но начавшій издаваться уже послѣ него (съ 1843 г.). А. В. съ самого начала былъ однимъ изъ его редакторовъ и всегда самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ [1]).

Но ограничивать научное руководительство и вліяніе А. В-ча только академіей значило бы уменьшать его заслуги. Онъ представлялъ примѣръ удивительнаго научнаго безкорыстія. Кажется, онъ не считалъ своимъ того, что пріобрѣлъ годами неусыпнаго труда, не дорожилъ тѣми находками, которыя прославили бы его имя, и охотно, предупредительно, съ наслажденіемъ дѣлился своими познаніями. Если существуетъ добродѣтель научнаго альтруизма, то А В. чистѣйшій представитель этой добродѣтели. Чуждый авторскаго самолюбія, онъ забывалъ даже и о своемъ авторскомъ правѣ. Онъ помогалъ тѣмъ ученымъ, которые годились ему въ ученики; дѣлился своими познаніями и соображеніями съ людьми, стоявшими на одной научной высотѣ съ нимъ. При его помощи работали А Н Муравьевъ, Савва, впослѣдствіи архіеп. тверской, гр. М. В. Толстой, Филаретъ, архіеп. черниговскій [2]). За его совѣтами обращались такіе ученые, какъ Погодинъ, Срезневскій, Сухомлиновъ, Бодянскій. Въ бумагахъ А. В-ча сохранилась часть огромной научной переписки, именно письма къ нему. Она представляетъ несомнѣнный интересъ для исторіи отечественной науки и должна быть обслѣдована. А теперь эта переписка можетъ внушить благородную гордость нашей академической наукой. Къ профессору потомъ ректору нашей академіи обращаются за указаніями и справками ученые академики, ему шлютъ запросы изъ многихъ ученыхъ центровъ русской земли. И получаютъ его

---

[1]) *Барсуковъ*, III, 61—62. О Филаретѣ Гумилевскомъ можно читать въ книгѣ *И. С Листовскаго,* Филаретъ, архіеп Черниговскій Черниговъ 1895.

[2]) Приводимъ нѣкоторыя данныя въ подтвержденіе своихъ словъ, о помощи А Н. Муравьеву, см. *преосв Саввы* II, 600. 359;—преосв Саввѣ, *Тамъ же*, стр 120—121 и 125, 448, III 51 и 61;—гр М Толстому, см. Рус Архивъ 1881, I, 304, II, 129 Помощь А В-ча Филарету Гумилевскому ясно открывается изъ писемъ Филарета, изданныхъ въ *Приб. къ тв св Отцовъ*, ч. 31, 33 и 36 (многія страницы)

справки и осторожные совѣты съ почтеніемъ и благодарностью какъ въ Казани такъ и въ Петербургѣ. Скромный ученый деревенской академіи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду двигателей русской исторической и филологической науки. Немудрено, что „нѣкоторыя ученыя общества безъ его исканія, по выраженію м Филарета, избрали его въ свои члены“ [1]). Въ день юбилея академіи 1 октября 1864 г. онъ получилъ отъ Московскаго университета дипломъ на званіе почетнаго члена университета; въ слѣдующемъ году—степень доктора богословія отъ Св Синода [2]), въ 1867 г. признанъ докторомъ русской исторіи отъ совѣта Петербургскаго университета

VII.

Годы ректорства.

Въ 1862 году (23 октября) А В. былъ назначенъ ректоромъ нашей академіи. Еще раньше, послѣ перевода архимандрита Сергія Ляпидевскаго, въ декабрѣ 1860 г., митр. Филаретъ зналъ о желаніи нѣкоторыхъ видѣть ректоромъ протоіерея Горскаго и самъ этого желалъ. Но непремѣннымъ условіемъ митрополитъ поставилъ ему тогда вступленіе въ монашество, потому что считалъ неудобнымъ и необычнымъ, чтобы бѣлый священникъ—протоіерей первенствовалъ надъ архимандритомъ—инспекторомъ; видѣлъ здѣсь московскій святитель опасность церковнаго переворота—возвышенія бѣлаго духовенства на счетъ монашества „Да не поколеблются опоры дома Божія“, заключалъ онъ свои соображенія [3]). А В рѣшительно отказался отъ монашества и ректоромъ былъ избранъ Савва (Тихомировъ), впослѣдствіи архіеп. твер-

---

[1]) А В состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (съ 1845 г) Московскаго Общества Любителей духовнаго просвѣщенія (съ 1863 г), Кіевской и Казанской духовныхъ академій (съ 1869 и 1873 гг) Общества Любителей Россійской словесности (съ 1869 г) *Т И Филиповъ*, 282—83.

[2]) Исторія присужденія А В-чу степени доктора богословія обстоятельно разсказана преосв Саввой въ Автобіографическихъ запискахъ, къ которымъ и отсылаемъ любознательнаго читателя, т. III стр 203, 210—211, 219—221, 230—231

[3]) *Преосв Савва*, III, 99 ср II 574—575

ской. Этотъ ректоръ, какъ самъ сознавался, неуклонно слѣдовалъ добрымъ и благонамѣреннымъ совѣтамъ А. В-ча [1]). Скоро мѣсто ректора опять освободилось и на него былъ назначенъ протоіерей Горскій Говорятъ, митрополита убѣдилъ въ его назначеніи намѣстникъ лавры Антоній, духовникъ Филарета. „Почему вы, говорилъ онъ митрополиту, не хотите назначить Горскаго?"—Онъ бѣлый священникъ, не монахъ" (отвѣчалъ митрополитъ). „Какой онъ бѣлый? Онъ сѣрый и теперь, а можетъ быть склонится быть и чернымъ; а вамъ покойнѣе избрать постояннаго ректора, чѣмъ заботиться вновь о замѣщеніи этого важнаго мѣста". Когда Савва, назначенный епископомъ можайскимъ, явился къ митрополиту и узналъ о своемъ назначеніи, Филаретъ спросилъ его: „а кого же ты рекомендуешь на свое мѣсто?" Онъ назвалъ ректоровъ Московской и Виѳанской семинарій и инспектора академіи Михаила „А почему же не рекомендуешь протоіерея Горскаго?"—Владыка! да развѣ это возможно,—съ изумленіемъ спросилъ Савва—„Почему же нѣтъ?"—Въ такомъ случаѣ, это будетъ самый лучшій выборъ. Отецъ протоіерей Горскій и достойнѣйшій и самый прочный для академіи будетъ начальникъ. Но почему же вы не изволили назначить его, вмѣсто меня, послѣ архимандрита Сергія? — „Тогда было еще не время", отвѣтилъ Филаретъ [2]). „Академическіе, какъ свидѣтельствуетъ самъ А. В., были очень удивлены этимъ назначеніемъ" [3]), удивлены вѣроятно тѣмъ, что митрополитъ уступилъ: не настоявъ на постриженіи въ монашество, поставилъ его ректоромъ. То неудобство, что ректоръ протоіерей въ служеніи долженъ былъ становиться выше архимандрита инспектора, было устранено пожалованіемъ новому ректору митры [4]).

---

[1]) *Собр мн и отз.* V, 3—4 письмо м. Филарета къ об. пр. гр А П Толстому 1861 г 7 янв. Другими кандидатами на ректорство были прот. П. С. Делицынъ, ректоръ Виѳанской семинаріи архим Игнатій и инспекторъ академіи арх Порфирій. *Тамъ же*, IV, 573—576; *Преосв. Савва*, 11, 551. Изъ протоіереевъ въ академіи старшимъ былъ П. С Делицынъ, но по преклонности лѣтъ онъ не годился въ начальники († 30 ноября 1863 г)

[2]) *Прав Обозр.* 1876, III, стр 730 *Пр Савва*, П, 795—796.

[3]) *Тамъ же*, 800.

[4]) *Собр мн. и отз*, V, 1, 354—55. Эту мысль внушилъ Филарету преосв. Савва. *Автоб. зап*, III, 33.

Въ слѣдующемъ году (какъ говорилось ранѣе) митр. Филаретъ сдѣлалъ послѣднюю попытку склонить А. В-ча къ монашеству чрезъ намѣстника лавры Антонія. Но онъ отказался снова, разсуждая, что не слѣдуетъ ему переходить на другое поприще служенія „Развѣ академія мало открываетъ дѣла усердію? пишетъ А. В. въ своемъ дневникѣ.— Развѣ неполезное для церкви служеніе воспитателя высшаго духовнаго училища? Развѣ церковь не должна имѣть въ академіи для себя опору, пользуясь добросовѣстными трудами ученой опытности?“ Услышавъ снова желаніе митрополита, А. В. обратился къ евангелію и отказался уже безповоротно. Въ своемъ назначеніи въ ректора онъ видѣлъ кромѣ того явленіе принципіально важное для духовно-учебнаго вѣдомства у насъ. „Избраніемъ ректора изъ бѣлаго духовенства сдѣланъ нѣкоторый отводъ для ослабленія упрековъ въ преобладаніи монашества надъ всѣмъ. Нужно ли уничтожать, что едва только положили? Не возбудитъ ли это новыхъ жалобъ? Избраніемъ ректора изъ бѣлаго духовенства какъ-бы открытъ путь и на другія правительственныя должности по духовно-училищному вѣдомству изъ бѣлаго духовенства. Нужно ли сейчасъ закрывать этотъ путь? Для чего не воспользоваться, при нынѣшней скудости въ монашествѣ, добрыми элементами изъ другой области жизни, гдѣ давно оставались они безъ употребленія для такого рода дѣятельности. Вводя въ кругъ высшей администраціи духовно-учебныхъ заведеній лице бѣлаго духовенства, не возбудитъ ли начальство въ самомъ монашествѣ ученомъ духъ соревнованія и тѣмъ не возвыситъ ли его?“ [1]) Въ своемъ дневникѣ А. В. писалъ скромно: „въ моемъ примѣрѣ академія іерархически деградируется“.

На первыхъ порахъ отношенія новаго ректора къ студентамъ какъ-то не ладились. Желаніе сблизиться съ ними въ духѣ и направленіи, какъ говорилъ онъ имъ при вступленіи на должность, пока не исполнялось. Во-первыхъ страдала академическая экономія: комиссаръ кралъ, отецъ экономъ рѣдко бывалъ въ столовой, дежурные студенты только списывали репортички комиссара, чистота и опрятность мало были знакомы академической кухнѣ и столовой. Несвѣжіе творож-

[1]) *С. Г. Поповъ*, стр. 99

ники, припахивающая рыба, ременная говядина—вотъ предметы неудовольствій, съ которыми пришлось считаться А. В-чу,—а въ экономіи онъ не чувствовалъ себя такимъ сильнымъ, какъ въ наукѣ. Потомъ вышло неудовольствіе изъ за литературнаго вечера, устроеннаго студентами безъ ректорскаго разрѣшенія. Ректоръ не былъ противъ такого полезнаго развлеченія; онъ „не воспрещалъ и національныя пѣснопѣнія" впрочемъ „съ надлежащимъ выборомъ"; въ его ректорство впервые въ академическихъ стѣнахъ послышались звуки рояли. Ему только не нравилось направленіе вечеровъ—этотъ непремѣнно комическій жанръ, зубоскальство, какъ называлъ онъ. Не хотѣлось ему, чтобы этими вечерами переносился въ академію театръ съ его галеркой. Его возмущали статьи одуряющаго свойства, гдѣ выставлялось наружу только пошлое, низкое, гдѣ не встрѣчалось ни одной одушевляющей мысли и чувства — онъ не любилъ напримѣръ Помяловскаго. А. В. желалъ сообщить литературнымъ развлеченіямъ серьезный характеръ, считалъ ихъ средствомъ воспитанія будущихъ проповѣдниковъ. Между тѣмъ въ студенчествѣ поднялся ропотъ, жаловались на стѣсненія отъ начальства. Въ попыткахъ вызвать на откровенность и довѣріе усматривали заднюю мысль, почву благопріятную для шпонства и доносовъ Въ томъ же учебномъ году разыгралась непріятная исторія съ сочиненіемъ инспектору Михаилу, которое студенты отказались подавать Ни уговоры ректора, ни угрозы, ни наивное желаніе заинтересовать вопросомъ темы—объ измѣненіи взглядовъ на библію въ продолженіи всѣхъ вѣковъ христіанства—не привели ни къ чему. Видно было, что не установилась еще почва для начальственнаго вліянія А. В-ча въ академіи.

Но установилась она скоро. А. В. имѣлъ неоспоримый авторитетъ умственный, ученый и нравственный, котораго было достаточно для благоустройства академіи, для сильнаго вліянія ректора на молодые умы и воли. Митр. Филаретъ писалъ одинъ разъ. „Въ ученомъ академическомъ кругѣ *для поверхности* надъ другими, кромѣ другихъ достоинствъ, нужна признаваемая ученость, особенно въ начальствующихъ" [1]).

---

[1]) Алфавитный указатель къ Собранію мнѣній и отзывовъ м. Филарета, стр. 346

А конечно ученость А. В-ча стояла выше всякаго сомнѣнія и признавалась всѣми. Этотъ обычай „хожденія къ ректору“ по каждому научному вопросу свидѣтельствуетъ о признаніи, что А. В. стоитъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ другихъ въ академическомъ кругѣ Но онъ не лишенъ былъ и другихъ необходимыхъ достоинствъ. Онъ любилъ студентовъ, а такъ какъ „любовь и искренность должно быть едино“, по его выраженію, то онъ былъ съ ними искрененъ. Когда онъ называлъ ихъ „дѣтками“, то выражалъ свои неподдѣльныя чувства. Онъ не сочувствовалъ крутымъ мѣрамъ и слишкомъ былъ добръ для того, чтобы наказывать [1]) Этотъ воспитатель обращался къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, вѣря только въ нихъ, стараясь развить въ подчиненной ему молодежи любовь къ наукѣ, любовь къ школѣ, откровенность и довѣріе къ себѣ Кажется, здѣсь было больше оптимизма, чѣмъ нужно, но несомнѣнно его педагогія достигала своихъ цѣлей въ значительной степени Дѣтки А. В-ча назвали его въ отвѣтъ „папашей“, студенты изъ хохловъ звали его „сивий“. Подъ одной фотографической группой курса студентовъ вмѣстѣ съ ректоромъ, которую можно видѣть въ ректорской квартирѣ, подписаны слова изъ пророка Исаіи: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“. Исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти А В-ча, а и теперь въ бесѣдѣ его учениковъ слышишь это слово — „папаша“. Академія была семьей. Одинъ воспитанникъ петербургской гимназіи, попавшій въ то время въ нашу академію, былъ пораженъ и умиленъ этой простотой, семейностью въ отношеніяхъ, которыя у насъ царили, которыя передавались отъ ректора и къ остальнымъ, и свидѣтельствуетъ о важномъ воспитательномъ вліяніи такой атмосферы на студенчество [2]). Въ иныхъ случаяхъ эта атмосфера давала особенно себя знать, напр въ день св Пасхи, о чемъ не могутъ забыть воспитанники А. В-ча. Много трогательныхъ разсказовъ объ его добротѣ къ студентамъ записано и хранится въ памяти его учениковъ. Онъ былъ довѣрчивъ какъ ребенокъ и нѣкоторые проводили его. Но нерѣдко случались примѣры удивительнаго довѣрія и откровенности къ

---

[1]) *Дневникъ*, Пр къ тв. ч 35, 243

[2]) *Е Воронецъ*, стр. 15 слѣд.

этому ректору. Вотъ онъ радуется узнавъ, что больной отецъ одного студента выздоровѣлъ. Здѣсь не удивительна радость этого безконечно добраго сердца, удивительно то, что студентъ пошелъ съ своимъ горемъ къ ректору и открылся ему. Случалось и такъ, что, узнавъ стороною о невзгодахъ кого-нибудь, онъ призоветъ его къ себѣ, разговоритъ и утѣшитъ. Радость каждаго изъ учениковъ становилась его радостью, лицо его просвѣтлялось, онъ улыбался и обычно дарилъ студенту что-нибудь на память объ этомъ моментѣ—просфору, книжку. Если въ его семьѣ появлялся тяжелый больной, А. В. только и зналъ, что ходилъ въ больницу: садился у его постели, развлекалъ его разговорами, самъ поправлялъ подушку, исполнялъ больные капризы, для развлеченія присылалъ легкія книги или лакомства больному. Смерть студента была для А. В-ча горемъ отца Говорятъ, слезы лились изъ его глазъ ручьями при прощаніи съ покойникомъ. Среди надгробныхъ рѣчей его, полныхъ высокаго истинно христіанскаго лиризма, слышались рыданія по безвременно утраченномъ сынѣ. На память о почившемъ. онъ бралъ себѣ его карточку. Когда А. В. хлопоталъ объ устройствѣ особаго академическаго кладбища (1871 г.), вѣроятно у него была мысль какъ бы объ отдѣльной усыпальницѣ для академической семьи. Вмѣстѣ съ духовной милостынею онъ раздавалъ и матеріальную, едва ли считая и помня. Конечно, въ семьѣ не безъ урода и не безъ огорченій. А В. не терпѣлъ лжи или циничной откровенности о грѣхахъ безъ сожалѣнія о нихъ или съ похвальбой, огорчался проявленіями холодности къ религіи. Возмущенный неисполненіемъ религіозныхъ обязанностей, онъ упрекалъ, гнѣвался. Но любовь давала себя знать. „Голосъ, готовый сдѣлаться грознымъ, говоритъ одинъ изъ его учениковъ, являлся упрашивающимъ, жалобнымъ... Упреки смѣнялись мольбами“. Случалось, что огорченный или взволнованный онъ плакалъ на глазахъ у всѣхъ. Но надъ этими слезами не смѣялись Напротивъ и студенты и подчиненное ректору начальство берегли А. В-ча отъ огорченій и далеко не все доходило до него, что могло бы его разстроить. Къ тому же его стыдились. Академія того времени не могла похвалиться строгостью внѣшней дисциплины и приходилось нерѣдко скрывать отъ ректора то, что ему нужно было знать: А. В. стоялъ надъ академіей, выше многихъ ея

дрязгъ. Но она могла гордиться рѣдкими въ учебныхъ заведеніяхъ нравственными связями учениковъ и начальника. Вліяніе А В-ча, какъ нравственнаго авторитета, простиралось на его воспитанниковъ и послѣ академіи. Одинъ студентъ, не чуждый извѣстнаго русскаго порока, окончивъ курсъ, покупалъ карточку А. В-ча, тогдашняго ректора, и говорилъ товарищамъ, что пріобрѣтаетъ ее больше нежели на память себѣ,—„на разумъ и волю“.

А В. обладалъ рѣдкимъ, почти исключительнымъ, характеромъ: власть не только не испортила его, напротивъ сдѣлала выше и чище. Раньше онъ непрочь былъ подсмѣяться за глаза и въ глаза—это была потребность его живой критической мысли—сказать острое словечко о тѣхъ, кто его возмущалъ или смѣшилъ. Сдѣлавшись начальникомъ академіи, онъ никогда не позволялъ себѣ этого. Даже больше того. Онъ сталъ сдержаннѣе, ласковѣе и деликатнѣе. Никогда никто изъ профессоровъ не слыхалъ отъ него выговоровъ или замѣчаній. Если необходимо было дать понять человѣку его провинность, А. В. скажетъ о своемъ неудовольствіи ему осторожно чрезъ другого, или только погорюетъ самъ съ собой. У него не было враговъ и недоброжелателей: напротивъ было немало сердечно преданныхъ ему людей. Съ ними онъ былъ откровеннѣе, во многое посвящалъ ихъ, чего не говорилъ другимъ. Но и эти другіе, дальше стоявшіе отъ него, признавали его власть, которая имѣла основаніе въ безспорномъ духовномъ превосходствѣ А. В-ча. Въ профессорскихъ семействахъ А. В. былъ желаннымъ хотя очень рѣдкимъ гостемъ. Здѣсь онъ былъ другомъ и любимцемъ дѣтей, которыхъ самъ очень любилъ и ласкалъ. И теперь разсказываютъ, какъ этотъ серьезный человѣкъ, впрочемъ еще будучи свѣтскимъ, игралъ иногда съ дѣтьми „въ дурачки“ Единство и согласіе въ профессорскомъ кругу—вотъ чего больше хотѣлось А. В-чу. Въ послѣдніе годы А В-ча въ академической корпораціи произошли нѣкоторыя неудовольствія, которыя, говорилось послѣ, убавили его жизни.

И отношеніе къ студентамъ и отношеніе къ профессорамъ покоились у А. В-ча на томъ возвышенномъ взглядѣ, какого онъ держался на академію. Онъ видѣлъ въ ней духовно-ученое братство, опору церкви, источникъ богословскаго

вѣдѣнія для православнаго общества. Вступительную лекцію по исторіи церкви, онъ начиналъ разъ прошеніемъ великой ектеніи—„о свѣтѣмъ храмѣ семъ и съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входящихъ въ онь, Господу помолимся“; при чемъ подъ святымъ храмомъ разумѣлъ храмъ богословской науки; вѣры, благоговѣнія и страха Божія, какъ настроеній, онъ требовалъ отъ служителя науки богословской, иными словами, отъ служителя Христовой церкви въ званіи ученаго богослова. И когда А. В. хлопоталъ и добился устройства храма въ стѣнахъ академіи, то кромѣ практическихъ удобствъ имъ руководило желаніе, чтобы Господь даровалъ „намъ счастье жить подъ однимъ кровомъ съ Его жилищемъ“, „дабы болѣе и болѣе самимъ и нашимъ юношамъ проникаться духа церковнаго“ [1]).—Отъ академіи, какъ цѣлаго учрежденія, А. В. требовалъ служенія обществу и вмѣстѣ церкви распространеніемъ богословскихъ знаній: отсюда его проектъ богословскаго словаря, не осуществившійся не по винѣ А. В-ча. Это дѣло онъ велъ вполнѣ самостоятельно. Митр. Филаретъ „никогда не сочувствовалъ этому предпріятію“: А. В. осаждаетъ его просьбами, а въ своей рѣчи 1 окт. 1864 г. въ день полувѣкового юбилея академіи, посовѣтовавшись предварительно съ академическомъ братствомъ и конечно съ владыкой, приглашалъ всѣхъ получившихъ высшее образованіе въ академіи, ознаменовать день собранія такимъ предпріятіемъ, въ которомъ бы всѣ могли принять участіе. Здѣсь онъ разумѣлъ составленіе церковно-богословскаго словаря. Митр. Филаретъ только внезапно по какому-то вдохновенію, какъ свидѣтельствуетъ преосв. Савва, святками 1865 г. самъ предложилъ деньги А. В-чу на его изданіе. Дальнѣйшая исторія этого предпріятія извѣстна. Дѣло было начато скоро. опредѣлялись работы, разыскивались пособія и источники, составлялись алфавиты, уже въ февралѣ шли обсужденія предпріятія и распредѣленіе работъ. А въ октябрѣ того же года А. В. писалъ преосв. Саввѣ. „Мы теперь хлопочемъ, какъ вести дѣло по изданію словаря,—собираемъ „источники“, собираемъ людей; стараемся уяснить себѣ требованіе, задачи требованія

[1]) Академическая церковь устроена въ 1870 г. См объ этомъ статью покойнаго *И Н. Ворсунскаго,* Покровская церковь Московской Духовной Академіи, *Богосл. Вѣстн* 1898, ноябрь.

нашей публики духовной и не духовной“ Нѣкоторыя статьи для словаря были уже написаны Говорили о скоромъ осуществленіи предпріятія, заинтересовавшаго общество. Но оно не осуществилось и до сихъ поръ и нѣтъ положительно никакихъ надеждъ, чтобы къ вѣковому юбилею академіи, который не за горами, мысль А. В-ча пришла въ исполненіе[1]). Въ годы ректорства А. В-ча въ академіи введенъ былъ новый уставъ 1870 г., которому онъ во многомъ не сочувствовалъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось переустраивать академію по новому и онъ исполнилъ это съ свойственной ему добросовѣстностью. Преосв. Макарій (Булгаковъ), ревизовавшій преобразованную академію въ годъ смерти А В-ча, нашелъ ее въ полномъ порядкѣ и далъ такой отзывъ о ректорѣ „Достоуважаемый отецъ протоіерей, всю жизнь свою посвятившій на служеніе наукѣ, давно уже засвидѣтельствовалъ предъ ученымъ міромъ свою основательную и многостороннюю богословскую ученость, особенно церковно - историческую, своими замѣчательными сочиненіями и при своемъ зрѣломъ умѣ, многолѣтней опытности и глубоко - религіозномъ и строго-нравственномъ направленіи служитъ надежнымъ руководителемъ не только для воспитанниковъ, но и для самихъ наставниковъ академіи“.

Еще была одна выдающаяся особенность въ отношеніяхъ А. В-ча къ академіи. Этотъ „прочный ректоръ“, съ дѣтскихъ лѣтъ почти взятый академіей, любилъ ее какъ вторую родину, съ нѣжностью сына. Еще въ тѣ годы, когда онъ былъ молодымъ профессоромъ, трудно было его вытащить изъ посада и родные огорчались, что онъ рѣдко навѣщалъ ихъ на вакаціяхъ. Онъ приросталъ къ академіи, хотя не забылъ и родины. Много лѣтъ въ концѣ жизни собирался онъ посѣтить свою Кострому, но такъ и не собрался. Уѣзжая по необходимости куда-нибудь изъ академіи, онъ тосковалъ по ней. Въ послѣдній годъ своей жизни, лѣтомъ 1875 г., по совѣту врачей послѣ долгихъ уговоровъ близкихъ людей А. В. былъ отправленъ на дачу въ Ахтырку [2]), но не могъ

---

[1]) *Преосв Савва*, III, 180, 226,—230 298, 305; такъ же *Дневникъ* А В-ча ч 35. Приб стр. 229—230

[2]) Ахтырка — село близъ Хотькова монастыря верстахъ въ 12 отъ посада

прожить тамъ и мѣсяца, загрустилъ по академіи и возвратился умереть сюда Его послѣднимъ желаніемъ было похорониться вблизи академіи на нашемъ, теперь закрытомъ, кладбищѣ

Болѣзнь, сведшая А В-ча въ могилу, была застарѣлая: врачи назвали ее воспаленіемъ внутренней оболочки артерій. Онъ не любилъ лечиться и за постояннымъ трудомъ забывалъ о себѣ. Первый разъ А. В почувствовалъ приступы болѣзни приблизительно около 45 года своей жизни. Не одинъ разъ давала она себя знать и послѣ, а въ декабрѣ 1874 года оказалось, что болѣзнь неизлечима [1]). Когда, возвратившись съ дачи, А. В. появлялся на креслахъ въ академическомъ саду и, по народному выраженію, наглядывался на свѣтъ Божій, его сослуживцы и воспитанники окружая больного чувствовали, кого они теряютъ Не задолго до своей смерти

---

[1]) Въ некрологахъ А В-ча говорится, что болѣзнь обнаружилась первый разъ за 18 лѣтъ до смерти, т е въ 1857 г осенью *Пр Обозр.* 1875, 3, 5 стр *Р Арх.* 1875, 3, 476 Тогда ему было 45 лѣтъ Изъ его собственнаго письма, помѣщеннаго въ Автобіографіи преосв Саввы выходитъ годъ раннѣйшій. 30 янв 1866 г онъ писалъ „нынѣшній годъ все что-то я чувствую себя нездоровымъ Хотя болѣзнь горла прошла (о ней см Ш т 329), но къ этому присоединились какіе то приливы крови къ груди и я подвергаюсь нерѣдко нервнымъ болѣзненнымъ припадкамъ Вотъ и сегодня провелъ ночь безъ сна, а потому долженъ былъ отказаться отъ служенія Боюсь, какъ бы не возвратилась ко мнѣ эта болѣзнь въ той степени, какъ безпокоила меня назадъ тому лѣтъ 10—11, когда я долженъ былъ даже отказаться на годъ и болѣе отъ употребленія чая Иногда бываетъ помыслъ посовѣтоваться съ кѣмъ-либо изъ вашихъ врачей, напримѣръ съ О. В Варвинскимъ (—ординарный профессоръ Московскаго Университета) Эту мысль предлагалъ мнѣ и мой здѣшній врачъ Не знаю, что будетъ впередъ, но если припадки безсонницы будутъ продолжаться, то можетъ быть я и воспользуюсь временемъ и тогда буду просить у васъ дозволенія пріютиться—(въ Москвѣ) Ш, 348—49. Дѣйствительно, пришлось обратиться къ Московской знаменитости въ половинѣ февраля А. В. снова писалъ преосв Саввѣ, что лекарства, рекомендованныя Варвинскимъ, помогли здоровье значительно улучшилось (Ш, 349) Этого факта въ некрологахъ нѣтъ Изъ приведеннаго письма видно, какъ мало заботился А В о своемъ здоровьи Мы не исправляемъ даже годъ его первой болѣзни (который по нему падаетъ на 1855—56), потому что онъ не помнитъ его точно На двухъ, почему то не изданныхъ, листочкахъ Дневника А В говоритъ о своей болѣзни *съ апрѣлѣ 1856 г.* Но описаніе самой болѣзни не даетъ основаній для увѣренности, что это была одна и таже болѣзнь съ описанной Болѣзнь повторилась еще разъ лѣтомъ или осенью 1872 года

онъ говорилъ: „съ меня довольно послужилъ“. Здѣсь и скромное выраженіе чувства исполненнаго долга и выраженіе благодарности Создателю Послѣдними предсмертными словами А В-ча были: „я хочу скорѣе домой“ Было ли это воспоминаніе о далекой родинѣ—послѣдняя мысль о землѣ, или первое откровеніе новаго міра, болѣе близкаго его душѣ, чѣмъ земля,—неизвѣстно.

Смерть А. В-ча была великимъ горемъ академіи. Одинъ очевидецъ погребенія разсказываетъ: „на домашнихъ панихидахъ священнослужители едва могли произносить возгласы: рыданія заглушали ихъ. Въ день похоронъ пространная трапезная церковь лавры была переполнена его почитателями.. И наставники и студенты горячо оплакивали своего ректора. Я не видалъ сухихъ глазъ“. Памятникъ на могилѣ А. В-ча поставленъ его учениками [1]).

Когда померъ А В Горскій, его ученикъ Н П. Гиляровъ-Платоновъ писалъ. „Необходимо возсоздать всю духовную личность покойнаго, личность колоссальную сказали бы мы, еслибы нравственной высотѣ, высотѣ смиренія, исполненія долга до самозабвенія, могъ приличествовать эпитетъ, „колоссальности“. Этотъ аскетъ-профессоръ, этотъ инокъ-мірянинъ, съ подвижническою жизнію соединявшій общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаніями и трудами, это было необыкновенное явленіе. Оно едва ли повторится. Оно было созданіемъ особаго духовнаго строя въ извѣстный періодъ Московской академіи, гдѣ А. В. Горскому предшествовалъ первообразъ его Ѳ. А. Голубинскій, съ тою же бездною эрудиціи, съ глубокимъ мыслительнымъ умомъ, и не только отсутствіемъ тщеславія, но и смиреніемъ, о которомъ трудно составить даже понятіе: о такомъ смиреніи можно читать только въ учебникахъ нрав-

---

[1]) Послѣ извѣстія о смерти А. В-ча въ нашу академію была прислана выразительная телеграмма, составленная И И Срезневскимъ,—отъ Академіи Наукъ, Петербургскаго университета, обществъ Филологическаго, Археологическаго и др. „Чтя *великія* заслуги усопшаго, какъ ученаго, писателя и *руководителя*, просимъ академію присоединить къ своей и нашу глубокую скорбь объ утратѣ, всѣми нами понесенной“.

ственнаго богословія“ [1])... Слова покойнаго публициста: „это явленіе едва ли повторится“ до сихъ поръ оказываются пророческими: А. В. Горскій не повторился. Но тотъ духовный строй нашей академіи, высшимъ созданіемъ котораго былъ этотъ человѣкъ, не померъ съ нимъ. Просвѣщенная религіозность, честная наука, смиренная ученость, отеческія, сыновнія или братскія отношенія въ академической семьѣ—вотъ главныя черты этого духовнаго строя. Какъ разсѣянныя искры потухшаго свѣтила, онѣ мелькаютъ и тлѣютъ тамъ и здѣсь въ этихъ славныхъ стѣнахъ. И не погаснутъ эти искры, пока не умерла въ нашей академіи академія Горскаго. А этого, всѣ мы вѣруемъ, никогда не случится.

---

[1]) *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ*, Сборникъ сочиненій, изд. К. П. Побѣдоносцева. Т. II стр. 464—465.